

Свечи

декабрь 2018

журнал
Никиты Михалкова

ФОТО: ЮРИЙ СОНОВ/РИА НОВОСТИ

ЛЕГЕНДА НОМЕР ОДИН:

Как Анатолий Тарасов превратил хоккей в национальный вид спорта

Поставили на крыло

История пьесы, изменившей театр

Картины счастливого детства

Николай Богданов-Бельский: мир лучше, чем кажется

Он был поэт — он был пророк

Что предвидел Федор Тютчев

НАПРАСНЫЙ труд — нет, их не вразумишь, —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

Федор Тютчев (1803–1873)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Давайте разберемся	26–30	Проверено временем
Поставили на крыло
3–7	Ретроспектива
Андреевский знак
Орден русских рыцарей	31–35	Великие реалисты
Картины счастливого детства
8–11	Родное слово
Он был поэт — он был пророк	36–39	Стоп-кадр
Пастор, мы тебя знаем
К юбилею Ростислава Плятта
12–15	Национальная идея
Сто лет вместе
Александр Солженицын: главная цель —
сбережение народа	40–43	Наука побеждать
Легенда номер один
16–17	Литфонд
Изобретая «Колесо»
В девяти кругах отечественной
лингвистики	44–47	Право и правда
Хотели как лучше?
Права человека на бумаге и в жизни
18–21	Имена и даты	48	Трапезная
Да, грибоеды мы
22–25	Культурная эволюция
От Малого до Художественного
«Я прожил не одну жизнь, а несколько», —
считал Владимир Немирович-Данченко		

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

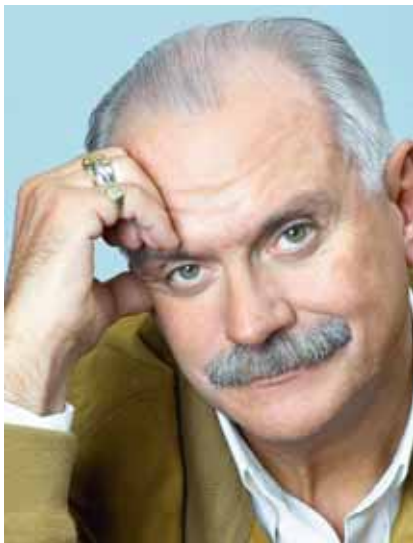
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 9093/18

Тираж 40 155

Подписано в печать 19 ноября 2018 г.

Давайте разберемся

В столице под председательством Патриарха Московского и всея Руси Кирилла прошел XXII Всемирный русский народный собор. Авторитетнейшему форуму исполнилось 25 лет. Юбилейное заседание было омрачено: Собору предшествовали события, которые могут повлечь за собой, ни много ни мало, глобально-историческую катастрофу.

Константинопольский, все еще именуемый «вселенским», патриархат вторгся на каноническую территорию Русской церкви, на Украину, и фактически начал тем самым раскол всего православного мира. Зачем же эти архиереи идут на величайшее — уже без всяких кавычек вселенское — преступление? КТО подталкивает их к роковому шагу — в общем-то, не секрет. Не вполне понятно, ЧТО ими движет. Зависть, жадность, жажда власти, или, как сказал когда-то Грибоедов, «колебание умов ни в чем не твердых»?

Главный стимул тех, кто за раскольниками стоит, более очевиден — это давняя, неизбывная ненависть к России и всему русскому. Так что слово «русophobia» в речи Владимира Путина на Соборе было особенно уместно, как, впрочем, и предупреждение о том, что политика беспардонного вмешательства в нашу церковную жизнь «чревата серьезными последствиями».

Продолжим тем не менее надеяться на лучшее — на то, что константинопольский патриарх одумается, не переступив красную черту. Но даже если случится непоправимое, если глобальный раскол произойдет, то миссия РПЦ все равно останется прежней — быть подлинным и, по сути, единственным центром мирового православия. С атаками извне наше государство и Русская церковь справлялись всегда. Гораздо опаснее для нас были и остаются проблемы внутренние: брожения, смуты и та разновидность доморощенной, явной и скрытой неприязни, о которой еще в 1867 году гениальный русский мыслитель Федор Тютчев писал: «Речь идет о русофобии некоторых русских — причем весьма почитаемых... Прежде они говорили нам, и говорили совершенно искренно, что Россия их отвращает отсутствием прав, свободы слова и т.д. и т.д., а Европа внушает им нежную любовь именно наличием там всего этого... Что же мы видим теперь? По мере того как Россия, добиваясь некоторых послаблений, все более самоутверждается, отвращение к ней этих господ только растет. Ибо, судя по всему, прежние порядки никогда не вызывали у них столь лютой ненависти, как современные направления национальной мысли... И напротив, сколько бы ни попирали в Европе право, нравственность, саму цивилизацию, это, как мы видим, ничуть не уменьшает их расположения к Западу. Они по-прежнему сочувствуют полякам и находят совершенно естественной подлую политику западных держав по отношению к восточным христианам и т.д. и т.д. Словом, в означенном мною явлении принципы как таковые никак не замешаны, тут нет ничего, кроме инстинктов, и вот природу-то этих инстинктов и нужно бы проанализировать».

Разве не поразительна злободневность тютчевских строк? Ведь «в природе инстинктов», на которые указал классик, мы до сих пор, даже спустя полтора с лишним столетия, так до конца и не разобрались. А пора бы...

A handwritten signature in black ink, appearing to be the author's name, written in a cursive style.

Андреевский знак

Первый орден в нашей стране учредили 320 лет назад в честь Андрея Первозванного. Почему именно этого святого выбрала российская власть? Весомых причин, духовных и политических, тому было несколько. По древнему преданию, апостолу Андрею некогда выпал жребий нести свет Евангелия на север, во Фракию и Скифию. В житиях отмечается, как он через Синоп и Грузию попал на Северный Кавказ, проповедовал в Крыму — в Боспорском царстве, Феодосии, Херсонесе, создал там христианские общины. Много позже князь Владимир примет в тех местах святое крещение и распространит православную веру на весь русский народ.

Валерий Шамбаров

Путь апостола

К фракийцам св. Андрей переправился на корабле. В городке Византий, будущем центре православия, основал церковь, рукоположил первого епископа Стахия. Есть сказания и о том, как Андрей Первозванный продвигался в глубь будущей России. Поднялся по Днепру, благословил место, где предстояло возникнуть Киеву, затем, согласно «Повести временных лет», добрался до Волхова.

В Рим вернулся через Балтику. В Греции, в Патрах принял мученический венец. Апостола распяли на косом кресте, который стал называться Андреевским.

Религиоведы отмечают: предание о путешествии по землям наших предков было внесено в летописи

в 1116 году повелением Владимира Мономаха. Но глубоко верующий государь вряд ли позволил бы себе сочинять вольные сюжеты об одном из первых учеников Христа. Эта история была прежде известна в Греции, а по Руси ходила в нескольких версиях. Новгородские источники указывали, что св. Андрей воздвиг крест на Волхове (там, в селе Грузино, в XVI веке хранился оставленный апостолом чудотворный жезл). На Валааме он обратил в христианство языческих жрецов, порушил капища, водрузил каменный крест.

Некоторые ученые воспринимают эту информацию как абсолютно недостоверную, однако видный богослов XIX века митрополит Макарий (Булгаков) указывал: «Предание о благовестии святого апосто-

Н. ЛОМТЕВ «АПОСТОЛ АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ ВОДРУЖАЕТ КРЕСТ НА ГОРАХ КИЕВСКИХ». 1848

ла Андрея даже во внутренних областях нашего Отечества не заключает в себе ничего невероятного, и нет основания отвергать его безусловно или принимать за одну идею». Действительно, историческим фактам оно не противоречит.

Археологические раскопки показывают: торговый путь по Днепру и Волхову в ту пору уже действовал. Более того, находки на Валааме свидетельствуют о том, что центр христианства там очень древний. Вполне вероятно, что он существовал задолго до крещения Руси.

Римляне называли Балтику Венедским заливом, писали про развитие у праславян-венедов судоходство. С южного балтийского берега пролегал до Венеции «янтарный путь», по которому регулярно ходили купцы. Как раз во времена Андрея Первозванного император Нерон посылал в Прибалтику своего приближенного закупать янтарь.

Включение предания в летописи по повелению Мономаха не случайно. В Византии на государственном уровне было установлено почитание св. Андрея как основателя Константинопольской церкви. Западная, латинская, претендовала на исключительность и верховенство, поскольку римские епископы (папы) нарекли себя ставленниками св. апостола Петра.

Но Андрей был старшим братом — «первозванным» — тем, кто пришел к Спасителю первым. На этом Восточная церковь обосновывала свою независимость и равноправие по отношению к Западной.

Русь и Византия

Древняя Русь была связана с Византией весьма тесно, хотя политические коллизии складывались по-разному. Так, император Михаил Дука чрезвычайно нуждался в помощи Киева и сосватал за своего брата дочь великого князя Всеволода Ярославича, а царский секретарь, видный ученый Михаил Пселл, стал использовать для укрепления союза предание о путешествии св. Андрея в Скифию. От лица государя он писал Всеволоду: «Духовные книги и достоверные истории

научают меня, что наши государства оба имеют один некий источник и корень и что одно и то же спасительное слово было распространено в обоих, одни и те же самовидцы Божественного Таинства и Его вестники провозгласили в них слово Евангелия». Именно Всеволод, отец Мономаха, построил в Киеве в 1086-м первый храм в честь св. апостола Андрея.

По византийскому праву все православные, окормлявшиеся Константинопольской патриархией, считались подданными императора. Греки периодически силились подмять Русь через церковные структуры. Великих князей признавали лишь «архонтами» (такой титул в империи носили начальники провинций). Престиж Руси в отношениях с Византией сильно подорвал великий князь Святополк Изяславич. Император Алексей I Комнин обращался к нему фактически как к вассалу, стремился через митрополию регулировать политику, а в период усобиц отобрал Тмутарканское княжество.

Владимир Мономах, сменивший на престоле Святополка, решительно одернул греков. Он и сам по материнской линии принадлежал к византийскому царскому роду. Его зять Лев Диоген, являвшийся претендентом на греческий престол, получил от Владимира Всеволодовича воинов и захватил ряд городов на Дунае. Но к Диогену подослали шпионов и отравили его.

Тогда русский князь решил тряхнуть империю как следует, начал собирать войско. Завоевательный поход не понадобился: Алексей I Комнин умер, а его сын Иоанн предпочел любой ценой замирился с Русью, попросил у Мономаха руки его дочери для своего наследника, прислал необычные дары — императорские одежды, венец, скипетр. По сути — капитулировал, признав великого князя равноправным царем. Именно при этих обстоятельствах вышло историческое распоряжение — внести в официальные летописи предание о путешествии св. Андрея по землям наших предков. Отныне устанавливалось равноправие духовное и политическое, признавалось, что Божие благословение пришло к нам не от греков, а было

Граф
Ф. Головин

П. Деларош.
«Петр I
Великий,
император
России». 1838

принесено святым апостолом — тем, кто принес его и в Византию. Андрей стал почитаться как покровитель русской державы, и отсюда — происхождение нашего первого ордена.

Под счастливой звездой

Государственные награды за особые заслуги существовали на Руси издавна. Князья, бояре и другие предводители жаловали героев лучшими трофеями — оружием, конями. Археологи находят в воинских погребениях золотые монеты с отверстием или специально сделанным ушком, они пришивались на одежду и служили знаками отличия. Из летописей известно о награждении гривнами. Это был золотой или серебряный обруч, носившийся на шее, запястье, весил он значительно больше, нежели монета, соответственно награда являлась более значимой.

Сохранялись подобные традиции и в Московской Руси. Отличившихся подданных государи жаловали шубами со своего плеча, кубками, чашами и другими ценными вещами. Иностранцы даже насмехались над этим, говорили, что властители слишком дешево ценят своих героев. Хотя дары нередко сопровождалась и пожалованием земельных наделов. Шубы и кубки не были обычной одеждой или утварью, они отмечались в Разрядных книгах, то есть являлись полноценными наградами за службу. Наряду с обычными монетами московские властители, начиная с Ивана III, чеканили специальные жалованные «золотые» и позолоченные «копейки» — эти прообразы медалей носили на одежде или на шапках.

На орденские знаки Петр I обратил внимание во время Великого посольства в Европу. В то время под орденом подразумевалось не что иное, как братство рыцарей, а наградой считалось принятие в его ряды. Особый знак лишь указывал на членство в организации. У каждого ордена имелись собственные девиз, устав, праздник, капитульный храм. В Англии, где побывал русский царь, наиболее престижным, авторитетным являлся орден Подвязки, учрежденный в XIV веке и посвященный св. Георгию Победоносцу.

А незадолго до Великого посольства 1697–1698 годов был восстановлен древний шотландский орден Чертополоха, чей покровитель — св. апостол Андрей (чертополох — символ Шотландии; мощи святого были вывезены в эту страну из Византии в VIII веке, в период иконоборчества). Скорее всего, наш монарх видел тогда знак этого ордена с изображением апостола и Андреевским крестом.

Собор Св. апостола Андрея Первозванного в Санкт-Петербурге

ФОТО: РОМАН ПИМЕНОВ/ИНТЕРРЕССТАСС

Вернувшись на родину, Петр Алексеевич решил учредить свой рыцарский орден и посвятил его св. апостолу Андрею Первозванному. Девизом ордена стали слова «За веру и верность», атрибутами кавалеров — восьмиконечная звезда и знак на цепи. Внешне он походил на тот, что был у шотландского ордена Чертополоха.

Изображение распятого Андрея Первозванного накладывалось поверх герба России — двуглавого орла, а на концах креста выбивали буквы «S.A.P.R.»: «Святой Андрей — покровитель России». Каждый кавалер мог украшать врученный ему знак драгоценными камнями — за свой счет.

Учреждение ордена подчеркивало особое положение державы, которую через два десятилетия государь провозгласит империей. Она унаследовала от погибшей Византии великую миссию оплота Восточной церкви, основанной св. Андреем.

Апостол, повторимся, путешествовал по Черному морю и нашим землям до Валаама и Балтики. А Петр планировал утвердиться на Черноморье, уже был взят Азов. Вынашивал проекты, в том числе — пробить дорогу на Балтику. К тому же царь строил собственный флот, а святой Андрей считается одним из небесных

Рота почетного караула гвардейского ракетного крейсера «Варяг»

ФОТО: ВИТАЛИЙ АНЬКОВИЧА НОВОСТИ

покровителей мореходов. В 1699-м самодержец учредил для русских военно-морских сил Андреевский флаг с косым крестом.

Статут со статусом

Определенного статута у ордена (как знака) долгое время не было, поскольку он являлся единственным. По воле царя им награждались (точнее, принимались в привилегированное сообщество) и за гражданские, и за военные заслуги. В том числе — иностранные политики. Первым кавалером стал в 1699-м дипломат Федор Головин, вторым — гетман Мазепа (исключенный после своего предательства).

В других странах монархи становились кавалерами самых главных орденов сразу же, автоматически. Петр отнесся к этому вопросу иначе: себя он удостоил такой чести лишь шестым — за совершенный подвиг: захват в устье Невы двух шведских кораблей.

Орденский статут впервые был утвержден Павлом I в 1797 году. Капитульным храмом служил Андреевский собор в Санкт-Петербурге, здесь ежегодно в орденский праздник, день св. Андрея, 30 ноября (13 декабря) собирались все

кавалеры. Ими были лишь высокопоставленные особы: пожалование орденом гарантировало чин не ниже 3-го класса Табели о рангах. Предполагался и высокий материальный достаток — награжденный должен был уплатить 500 рублей (в середине XIX века), как бы вступительный взнос в орден. Деньги шли на благотворительность, пенсии старшим кавалерам.

Со временем в России появились другие отличительные знаки. Но тот, кто был удостоен ордена св. Андрея Первозванного, становился кавалером и всех «младших» наград (кроме сугубо боевого — св. Георгия и женского — св. Екатерины). Общее число награжденных — от 900 до 1100 человек. Среди них такие выдающиеся личности, как Григорий Потемкин, Александр Суворов, Михаил Кутузов, Петр Багратион, Михаил Барклай-де-Толли, Михаил Милорадович, Матвей Платов.

В 1917 году подобные вручения, естественно, прекратились. В 1998-м орден Андрея Первозванного был восстановлен в его прежнем статусе, став еще одной нитью исторической преемственности, признанием покровительства над Россией святого апостола.

Владимир Путин вручает орден св. Андрея Первозванного Юрию Григоровичу. 2017

ФОТО: АЛЕКСЕЙ НИКОЛЬСКИЙ/РИА НОВОСТИ

Родное слово

5
декабря
215
лет со дня
рождения

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Вид на усадьбу Мураново». 1868

Он был поэт — он был пророк

Сергей Алдонин

Удивительный русский поэт, мыслитель, один из самых таинственных гениев XIX века Федор Тютчев не жаждал известности — ни на Парнасе, ни в политике, не стремился на первые роли, не слыл ни Дон Жуаном, ни франтом. Трудно представить, чтобы Федор Иванович создал либо возглавил какой-нибудь литературный журнал, опубликовал пространные мемуары, хотя ему было о чем рассказать и с кем поспорить. Тютчев дорожил своей миссией тайного советника — не по названию чина, а по сути оберегал секреты частной жизни. Пожалуй, это единственный в истории русской литературы случай столь негромкой прижизненной и великой посмертной славы. Верил ли поэт в бессмертие написанных им строк? Патетических деклараций на тему собственной значимости он избегал. И сочинял главным образом для себя.

Мир в душе

Учителем Тютчева на Словесном отделении Московского университета был Алексей Мерзляков, страстный филолог, в одном лице — консерватор и новатор, написавший несколько «народных» песен, например, «Среди долины ровныя...». На кого только не повлиял этот наставник, кому не раскрыл законов родного языка и поэзии. Среди учеников — и Лермонтов, и Грибоедов. Однако Тютчев был самым вдумчивым и молчаливым подопечным.

Будучи на четыре с половиной года (и на целое литературное поколение) младше Пушкина, он, подобно Александру Сергеевичу, с восторгом и завистью смотрел на тех, кто встал на защиту Отечества в 1812 году. В наше время Тютчева назвали бы вундеркиндом. Двенадцати лет от роду Федор уже переводил с классической латыни оды Горация, владел пером, знал историю и философию.

В пушкинском «Современнике» увидели свет более двадцати тютчевских произведений, и некоторые из них можно отнести к шедеврам: «Стихотворения, присланные из Германии» были подписаны инициалами «Ф.Т.», фамилия автора осталась для публики неизвестной. Любопытно, что в придворной иерархии он Пушкина превзошел. Александр Сергеевич умер, как известно, камер-юнкером, а Федора Ивановича еще в 1835-м произвели в камергеры.

Его биография содержит много парадоксов. Этот убежденный почвенник и славянофил много лет прожил в Старом Свете, правда, на дипломатической службе. Там, возле «священных камней Европы», одним из первых ощутил и осмыслил враждебность Запада по отношению к России. Подчас действовал как в разведке. Не этим ли навеяны классические строки:

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...
Лишь жить в себе самом умей,
Есть целый мир в душе твоей...*

При дворе его привечали. В 1829-м он перевел на русский стихотворение баварского короля Людвига I, написанное вскоре после блестящих побед русской армии над турками:

*О Николай, народов победитель,
Ты имя оправдал свое! Ты победил!
Ты, Господом воздвигнутый воитель,
Неистовство врагов его смирил...*

ФОТО: РОМАН ДЕНИСОВ/ТАСС

В те годы поэт верил, что Россия вот-вот принесет христианским народам избавление от османского ига, надеялся, что возглавит освободительное движение русский самодержец Николай I. С годами эта вера померкла.

Для него, яростного патриота, Крымская война стала личной трагедией. Тютчев видел в ней неизбежное столкновение цивилизаций и готов был стоять за Россию до конца. Однако повторения 1812 года не случилось. Его удручала наша тогдашняя внешнеполитическая стратегия. В начале 1850-х стихотворец и дипломат уже резко критически относился к Николаю I, называл его «злополучным человеком», а

политику государя находил слишком прямолинейной и недальновидной. Император, о котором Пушкин писал «его я просто полюбил», получил от своего камергера такую эпитафию:

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.*

Это не пасквиль. Прав был Тютчев или нет, но слагал он эти строки с затаенной горечью и никому их не показывал.

Без Тютчева нельзя

Федор Иванович должен был создавать на Западе благоприятный образ России, но столкнулся с непробиваемым скепсисом европейцев. Даже союзники относились к северной империи с плохо скрываемым высокомерием. В словаре Тютчева появилось слово «русофобия». Писал его по-французски, ведь он был представителем того аристократического поколения, которое постигало речь Корнеля и Вольтера раньше, чем «язык родных осин». Потом оказалось, что болезненная ненависть ко всему русскому охватила не только Европу. «Следовало бы рассмотреть современное явление, приобретающее все более патологический характер. Речь идет о русофобии некоторых русских — причем весьма почитаемых», — отметил наш мыслитель в одном из писем в 1860-е.

Тютчев всеми силами отстаивал патриотическое направление в идеологии, но на молодежь взирал с печалью. После Крымской войны в студенческой среде господствовало западническое мировоззрение. И все-таки поэт верил, что проиграно лишь сражение,

а не война: «Истинный защитник России — это история, ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу».

Его произведениями не зачитывались мыслившие в унисон с Некрасовым и Чернышевским студенты. Зато в числе преданных читателей оказался Лев Толстой, вообще-то придирчиво относившийся к поэтам. Автор «Войны и мира» сказал, как отрезал: «Без Тютчева нельзя жить», — видел в нем провидца, не боявшегося заглянуть в бездны человеческого бытия. Они не раз встречались, хотя, как правило, мимолетно. Их последнее рандеву состоялось в поезде в августе 1871-го, за два года до смерти Федора Ивановича. Проговорили четыре часа, причем Толстой в основном благоговейно внимал. Описывая эту случайную встречу в письме литературному критику Николаю Страхову, Лев Николаевич признавался: «Из живых я не знаю никого, кроме Вас и его, с кем бы я так одинаково чувствовал и мыслил».

Известно пушкинское высказывание — ироническое и в то же время программное: «Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата». Тютчев несколько не соответствовал данному «канону». Чтобы стать преданным читателем этого автора, надо не только сочувствовать и сопереживать — нужно наслаждаться игрой ума, идеями, парадоксами, сомнениями. В этом — стиль поэта-мыслителя, узнаваемый, неповторимый.

Лирический дневник

Для предшественников, его старших современников, венцом поэзии была крупная форма — ода, поэма, трагедия или роман в стихах. Тютчев за такие жанры не брался, а просто вел своего рода лирический дневник, глубоко личный, от первого лица. Там и сердечные переживания, и философские зарисовки, и политические тезисы. Самые

Ф. Тютчев

Вторая жена
Тютчева Эрнестина

Е. Денисьева

содержательные, отточенные стихотворения — как правило, короткие. Нередко хватало четырех строк, чтобы поставить загадку на века:

*«Единство, — возвестил оракул
наших дней, —
Быть может спаяно железом
лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его
любовью, —
А там увидим, что прочней...»*

Князь Владимир Мещерский вспоминал: «Он не знал, что значит сочинять стихи; они создавались в ту минуту, как созвучием нужно было высказать мысль или чувство, наскоро он набрасывал их на клочке бумаги и затем ронял, позабывая о них, на пол, а жена его подбирала; или он вдруг импровизировал, а жена его записывала выливавшиеся из души его мысли и чувства в стихах. Как-то раз, вернувшись домой под проливным дождем, Тютчев стоял в своем кабинете, терпеливо глядя, как камердинер под надзором жены снимал замоченный сюртук... Стоит и с уст его падают те прелестные стихи: «Слезы людские...», которые он так поэтично уподоблял каплям дождя».

Так, да не так. Литератор кропотливо, придирчиво работал над стихом, только, как правило, не за письменным столом. И тем не менее, в памяти он держал множество вариантов каждой строчки.

Шутки Тютчева, иногда рискованные, становились расхожими анекдотами, которые пускали в оборот светские остроловы. Так, в конце 1830-х Федора Ивановича отчего-то долго не выпускали за границу. В то же самое время Дантеса приговорили к высылке из России. Тютчев сыронизировал: «Пойти, что ли, убить Жуковского». Когда канцлер Александр Горчаков завел роман с одной из фрейлин и выхлопотал для ее несчастного мужа чин камер-юнкера, была брошена фраза: «Он напоминает древних жрецов, которые золотили рога своим жертвам».

Граф Владимир Соллогуб вспоминал: «Он был едва ли не самым светским человеком в России, но светским в полном значении этого слова. Ему были нужны как воздух каждый вечер яркий свет люстр и ламп, веселое шуршание дорогих женских платьев, говор и смех хорошеньких женщин. Между тем его наружность очень не соответствовала его вкусам; он собою был дурен, небрежно одет, неуклюж и рассеян; но все это исчезало, когда он начинал говорить, рассказывать».

Тютчева нельзя понять без истории его поздней любви к Елене Денисьевой. Федору Ивановичу было около 47, когда он с ней познакомился. Он не нашел сил, чтобы расстаться с женой, но и не скрывал своего увлечения. Почти четырнадцать лет жизнь «раздваивалась». Поэт посвятил Денисьевой знаменитый цикл стихотворений. Ее имя навсегда осталось в отечественной литературе, растворилось в строках:

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...*

В заграничных поездках, в гостиницах, она представлялась как «мадам Тютчева». Но на родине приходилось терпеть открытую неприязнь близких и злые светские пересуды. Она подарила ему троих детей. Умерла в 38 без малого, от туберкулеза, оставив спутника жизни в тихом отчаянии. Его, по словам Афанасия Фета, «знобило от рыданий». «Только при ней и для нее я был личностью, только в ее любви, в ее беспредельной ко мне любви я сознавал себя», — признавался несчастный. Он еще служил, слагал стихи, но радостное восприятие бытия отныне ему было не свойственно.

Не хлопотал о славе

Мы привыкли мыслить его формулами и образами. Стоит услышать первый весенний гром, как на память приходит: «Люблю грозу в начале мая». В сентябре в голове вертится: «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора». Если вдруг настагает поздняя любовь, то в душе звучит: «Я встретил вас — и все было в отжившем сердце оживо».

«Умом Россию не понять, аршином общим не измерить» — пароль на все времена.

Прирожденный словесник, он возвращает к точности определений, подлинным интонациям русской речи. Самое пронизательное определение тютчевской поэзии дал, пожалуй, Тургенев: «Мысль его, как огненная точка, вспыхивает под влиянием глубокого чувства».

При жизни Тютчев чурался громких похвал, не участвовал в суетной литературной жизни, в журнальных войнах. Иван Аксаков — первый его биограф — обо всем рассказал четко и обстоятельно: «Он не только не хлопотал никогда о славе между потомками, но не дорожил ею и между современниками; не только не помышлял о своем будущем жизнеописании, но даже ни

разу не позаботился о составлении верного списка или хоть бы перечня своих сочинений... Никогда не повествовал о себе, никогда не рассказывал сам о себе анекдотов, и даже под старость, которая так охотно отдается воспоминаниям, никогда не беседовал о своем личном прошлом». Такой характер Тютчев сумел переплавить в стихи.

Властителем дум был Некрасов, во многом антипод, но — не враг. В 1850-м в январской книжке «Современника» вышла статья Николая Алексеевича «Русские второстепенные поэты». Второстепенные по степени известности, а не по подлинному поэтическому значению, — объяснял автор. После этой публикации многие обратили внимание на стихотворения некоего Ф.Т., которого редактор «Современника» восхищенно цитировал, открыв читающей России Тютчева. Первая его книга вышла, когда ему было за пятьдесят. Еще большая слава пришла после смерти.

Парадоксально, но в советское время его известность приумножилась — быть может, оттого, что сам вождь мирового пролетариата ценил поэта, провозгласившего:

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.*

Томик Тютчева, по воспоминаниям управделами Совнаркома Владимира Бонч-Бруевича, всегда находился на этажерке возле письменного стола руководителя большевиков, а «нередко и на самом столе», ибо Ленин «часто перелистывал, вновь и вновь перечитывал его стихи». И это — при яростной ненависти к консерваторам и монархистам. По-видимому, основатель СССР не обращал внимания на политические взгляды стихотворца, наслаждаясь мудростью и музыкальной чистотой его строк.

Без тютчевских поэтических зарисовок о природе не обходилась ни одна детская хрестоматия. Их комментировали, исследовали с размахом, свойственным советской культуре.

Правнук Федора Ивановича, филолог Кирилл Пигарев, более тридцати лет директорствовавший в музее-усадебке «Мураново», написал превосходные биографические книги — «Жизнь и творчество Тютчева» (1962), «Ф.И. Тютчев и его время» (1978).

Оказалось, что поэт-мыслитель с его неизменной тревогой за будущее человечества принадлежит не столько своему XIX столетию, сколько последующим эпохам. Он вновь и вновь необходим — как собеседник и спорщик, утешитель и учитель. Федор Тютчев взирал на мироздание с печальной иронией, но и с неизменным сочувствием к людям, к их трудной доле, и это проглядывает на всех портретах классика — сквозь очки, через века. Нам, как и Льву Толстому, без него просто «нельзя жить».

Национальная идея

11
декабря
100
лет со дня
рождения

ФОТО: Д. КОРОТЯКОВ/РИА НОВОСТИ

Жители Магадана встречают в аэропорту А. Солженицына. 1994

Сто лет вместе

Егор Холмогоров

Отношение наших соотечественников к Александру Солженицыну и при жизни, и после его смерти варьировалось в диапазоне от любви и восхищения до ненависти и презрения, причем порой у одних и тех же людей. Накал эмоций, не утихающий поныне, свидетельствует о масштабности сделанного: Солженицын оказался самым успешным политическим писателем в отечественной (если не в мировой) истории, его слово колебало геополитические пласты, меняло расклады международных отношений.

«Чтобы русский народ сохранился»

В своей невероятно интенсивной общественной деятельности он от первой и до последней минуты был движим главной заботой — защитой жизненных интересов русского народа. Когда в декабре 2003-го его спросили о самом большом личном желании, он без запинки ответил: «Чтобы русский народ, несмотря на все многомиллионные потери в XX веке, несмотря на нынешний катастрофический упадок... не пал бы духом, не пресекся в существовании на Земле — но сумел бы воспрять. Чтобы в мире сохранились русский язык и русская культура».

Центральной фразой, по сути, формулой его политической философии были слова: «сбережение народа». Нет большего греха, чем транжирить народную жизнь, народные силы на фантастические проекты и чужие интересы — будь то «европейское равновесие», «мировая революция» или «рыночные реформы». Именно поэтому Солженицын — вневременной оппонент всех тех, кто занимался растрачей русского достояния.

Он критикует государей, бездумно расходовавших жизни солдат на такие цели, как сохранение Силезии для Австрии или отъём Шлезвига у Дании. «Тетушка Федосеевна до чужих милосерда, а дома не евши сидят», — гвоздит меткой русской пословицей это имперское прожектерство, не щадя ни коронованных «западников», лезших освобождать Польшу и устраивать германские дела, ни «панславистов», полагавших, что Балканы стоят того, чтобы быть усеянными костями российских гренадер.

Тот же упрек выдвигает и советской власти: национальные силы и народное добро пустила по ветру, на чуждые цели, конструирование государства, где основной гнет наложен на «великорусского держиморду», за счет которого развиваются полусуверенные, объявленные республиками окраины. Красный террор, коллективизация, репрессии, гонения на церковь, ликвидация неперспективных деревень — все это для Солженицына лишь симптомы общей болезни, «утопии у власти». Взлелеянную идеями французского Просвещения химеру питали русским хлебом и русской кровью.

«Протрезвившись», по собственным словам, до «Письма вождям Советского Союза», он в 1973-м предлагает членам Политбюро перезаключение контракта с народом — на почве национального единства: «Преимущественно озачен я судьбой именно русского и

украинского народов... это письмо я пишу в предположении, что такой же преимущественной заботе подчинены и вы, что вы не чужды своему происхождению, отцам, дедам, прадедам и родным просторам, что вы — не безнациональны».

Указывая на обострившуюся угрозу со стороны КНР, автор письма рекомендует развитие по тому образцу, что называется ныне «китайским путем»: сохранить советскую власть как авторитарную государственную систему, избавившись от пут коммунистической идеологии; выйти из холодной войны и отказаться от экспорта революции за счет наших ресурсов («перестать выбегать на улицу на всякую драку»); прекратить истощение русской земли поборами в пользу африканских коммунистов и снять с нее колхозное бремя; сосредоточить развитие страны на собственных неосвоенных просторах, на русском Северо-Востоке («Наш океан — Ледовитый, а не Индийский»). Вот тогда, по мысли Солженицына, России, скорее всего, не грозит оказаться вовлеченной в водоворот всеобщей катастрофы Запада.

Оставьте коммунизм Китаю, станьте подлинной национальной властью, заботящейся о собственных, русских, интересах, игнорируйте болтунов, требующих немедленно учредить у нас демократию, — призывает он вождей. — «Россия много веков просуществовала под авторитарной властью нескольких форм и сохраняла себя и свое здоровье, и не испытала таких самоуничтожений, как в XX веке, и миллионы наших крестьянских предков за десять веков, умирая, не считали, что прожили слишком невыносимую жизнь».

Ирония общемировой судьбы состоит в том, что солженицынским путем пошел как раз Китай, а мы рухнули в ту самую разрушительную «демократию», против которой писатель предостерегал, из огня скакнули в полымя.

Любопытно, что если в общем и целом призыв Солженицына услышан не был, то в частности национальное развитие тогда пошло у нас в указанном им направлении. В сентябре 1973-го письмо отправлено, в феврале 1974-го автор выдворен из СССР, в марте 1974-го выходит постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, посвященное Нечерноземью, и Россия как таковая впервые в советской истории оказывается в центре советской государственной политики. Прекращается ликвидация неперспективных деревень, развитие исконно русского региона начинают выделяться немалые средства. В апреле 1974-го БАМ объявляется всесоюзной стройкой. Заметим, что эта магистраль прямо упомянута Солженицыным в цитате из речи Петра Столыпина: «И по поводу Амурской железной дороги: «Если мы будем продолжать спать летаргическим сном, то этот край будет пропитан чужими соками».

Между двух жерновов

Выброшенный на Запад, он скоро обнаруживает, что оказался «между двух жерновов». Никто не рвется освобождать русских от коммунизма, зато все хотят растоптать Россию как таковую: и американские генералы, предлагающие прицельно бомбить центральные области СССР, и заокеанские сенаторы, принявшие закон «о поработанных нациях», в котором наша страна объявляется оккупантом по отношению к мифическим республикам (с названиями «Казакия», «Идель»), и эмигранты-образованцы третьей волны, нашептывающие Западу об угрозе русского национального возрождения.

«Зубы русоненавистников уже сейчас рвут русское имя. А что же будет потом, когда в слабости и немощи мы будем вылезать из-под развалин осатанелой большевицкой империи? Ведь нам не дадут и приподняться... Постепенно с годами выяснился истинный смысл моего нового положения и моя новая

ФОТО: А. НАТРУСКИН/РИА НОВОСТИ

А. Солженицын дает автографы жителям Владивостока. 1994

задача. Эта задача: отстояние неискаженной русской истории и путей русского будущего... Распался бой на главном фронте — а за спиной открылся какой-то новый? Сумасшедшая трудность позиции: нельзя стать союзником коммунистов, палачей нашей страны, но и нельзя стать союзником врагов нашей страны. И все время без опоры на свою территорию. Свет велик, а деться некуда. Два жорна». («Угодило зернышко промеж двух жерновов» — так называется вторая книга его мемуаров, которая настолько взрывоопасна, что до сих пор ни разу не вышла отдельным изданием.)

Солженицын начинает настоящую войну против русофобии, распространенной в среде западных политологов и в кругах образованцев. Особенно достается от него Ричарду Пайпсу, автору клеветнической концепции «России при старом режиме». «Русский народ живет на земле уже 1100 лет, — подчеркивает Александр Исаевич, — дольше многих из своих нетерпеливых учителей. И за эти 1100 лет в нем создались и накопились некие свои традиционные общественные понятия, которые не надо спешить осмеивать со стороны».

Одно из важнейших для него дел — возвращение к нормальному пониманию нашей истории, отказ от представления ее чередой ужасающих катастроф и провалов. У Солженицына мы находим редкую для отечественных мыслителей XX века историософию национального успеха. Он требует не сводить летопись России к немногим ее темным страницам и не объявлять эти вехи «типовыми»: «Искусственно упущены вековые периоды, широкие пространства и многие формы яркой общественной самостоятельности нашего народа — Киевская Русь, суздальское православие, напряженная религиозная жизнь в лесном океане, века кипучего новгородского и псковского народоуправства,

стихийная народная инициатива и устояние в начале XVII века, рассудительные Земские Соборы, вольное крестьянство обширного Севера, вольное казачество на десятке южных и сибирских рек, поразительное по самостоятельности старообрядчество, наконец, крестьянская община».

Упоминание старообрядчества не случайно. Одна из забот писателя в изгнании — примирение и воссоединение всех частей Русской церкви — на Родине и за рубежом. Он сурово критикует тот факт, что ради новых обрядов когда-то положили на плаху верную отеческим преданиям часть народа. Но и Русскую зарубежную церковь предостерегает от высокомерия, «ошибки дальнего зрения: считать эту многомиллионную нашу Церковь «падшей», а ей противопоставлять некую «катакомбную»... Нынешняя Церковь в нашей стране — плененная, угнетенная, придавленная, но отнюдь не падшая! Она восстала на духовных силах, которыми, как видим, Господь не обделил наш народ», — этот, по сути, завет Солженицына сыграл огромную роль в преодолении разрыва между РПЦ и РПЦЗ, был заметным вкладом в дело борьбы за русское единство.

Его миссия, как он считал, не исчерпывалась духовной мобилизацией.

Иностранцы поневоле

В 1991 году посреди всеобщей нездоровой эйфории от распада СССР Александр Исаевич ставит вопрос о недопустимости признания административных советских границ межгосударственными.

«Россия сохраняет право на пересмотр границ с некоторыми из отделяющихся республик. Это особенно остро — с границами Украины и Казахстана, которые произвольно нарезали большевики. Обширный Юг нынешней УССР (Новороссия) и многие места Левобережья никогда не относились к исторической Украине, уж не говоря о дикой прихоти Хрущева с Крымом... Я с тем и спешу, чтобы просить Вас: защитить интересы тех многих миллионов, кто вовсе не желает от нас отделяться», — пишет он Борису Ельцину 30 августа 1991-го.

ФОТО: ВЛАДИМИР ГЕРДОЛТАСС

ФОТО: МИХАИЛ КЛИМЕНТЬЕВ/РИА НОВОСТИ

Президент России В. Путин, А. Солженицын с сыновьями в доме Солженицыных в Троице-Лыково. 2007

Напоминает о том, что референдум о независимости Украины нужно проводить не всей республикой, а по областям, указывает на бездумную отдачу наших земель Эстонии, призывает не допустить новых растрат русского достояния. Писатель первым и гораздо громче остальных начинает говорить о судьбах 25 миллионов русских, отсеченных от своей страны новыми границами или превратившихся в обобранных до нитки беженцев: «В 24 часа наши соотечественники оказались «за границей» (в кавычках) «иностранцами» (в кавычках), многие в тех местах, где жили отцы их и деды, — а теперь они притесняемые, а теперь они изгоняемые. А мы? Я брал цифры и видел, как мало мы отпускаем на помощь нашим соотечественникам. Говорят, нет денег. У государства, допускающего разворовку национального имущества, не способного взять деньги с грабителей, нет денег».

И рядом с картиной обвала России по периметру границ — угроза парада суверенитетов: «В автономиях (со своими президентами, конституциями, флагами, гимнами) — «титulyные» народы почти всюду составляют меньшинство, иногда резкое меньшинство — ме-

жду тем определяют собой аппарат и идеологию управления. Равенство грубо нарушено — языковыми и служебными преимуществами «титulyной» нации. Все это — кричаще несправедливо. И должно безотлагательно быть исправлено. В автономиях нельзя признать за «титulyной нацией», даже если она не в меньшинстве, фактического права управлять всем населением территории от себя, а не в составе общегосударственного управления и по общегосударственным законам».

Не меньше внимания в тот период, в конце 1990-х, уделяется экономике, раздается гулкий протест против разграбления, именуемого «реформами»: «Ну кто может свою мать лечить шоковой терапией?» Власти его, разумеется, не слышат. Выступления писателя по телевидению прекращаются. От него пытаются откупиться орденом Андрея Первозванного. «От верховной власти, доведшей Россию до нынешнего губительного состояния, я принять награду не могу»...

И по имени, и по сущности

Высшим признанием для него служит то, что спустя десятилетие по-

сле кончины Александра Солженицына стало очевидно: главное дело всей его жизни побеждает и в России, и за ее пределами: сбережение народа стало частью государственной идеологии, Крым с Севастополем возвращен, о необходимости сохранения русскости представителями Русского мира говорится со все большей настойчивостью. Конкретизируется и постановка вопроса о внутреннем национальном равноправии в России, о недопущении сепаратизма.

Нашу внешнеполитическую идеологию стали определять цивилизационный подход и антиглобализм, контуры которого были намечены писателем в «Гарвардской речи» и с тех пор неоднократно уточнялись, пока не отразились в речи другого человека — «Мюнхенской». Покуда Запад съезжал на рельсы «культурного марксизма», вплоть до строительства своего рода ЛГБТ-лага (как и предсказывал еще в начале 1980-х писатель), Россия стала сдвигаться в другую, традиционалистскую сторону глобальной оси — тоже во многом под влиянием Солженицына, его нравственных и политических уроков. Сегодня Москва на глазах превращается в мировой оплот христианского консерватизма. Именно здесь формируется центр защиты образа человека в его традиционном понимании.

Россия все больше ориентируется на внутреннее освоение, самоустроение, не приемлет новой, противоестественной «нормальности», осуществляет — есть надежда — проект, когда-то воспринимавшийся как солженицынская политическая утопия. Впрочем, утопистом он никогда и не являлся, напротив, остро ощущая, что русская нация оказалась, по сути, без своего места в мире, Александр Исаевич всю жизнь положил на то, чтобы эту нишу нам вернуть — создать страну, которая была бы Россией и по имени, и по сущности.

А. Зимин. Маска А. Солженицына

Изобретая «Колесо»

Платон Беседин

Один из плеяды наших замечательных «деревенщиков» в 2008 году, когда страна прощалась с Александром Солженицыным, рассуждал: мол, вряд ли надо некрологи превращать в панегирики, а «чтобы в России оценить истинный масштаб писателя, после его смерти должно пройти не менее 15 лет». Сегодня, спустя десятилетие, с таким мнением можно поспорить, но, в общем-то, нетрудно и согласиться.

В ОПРЕДЕЛЕННЫЙ момент слава и восприятие Александра Исаевича как публициста почти вытеснили его из массового сознания как прозаика. Нечто похожее случилось и с Львом Толстым, хотя и в меньшей степени. Поэтому, когда начинают размышлять о Солженицыне, вспоминают диссидентство, гражданскую позицию, политические размышления, исторические труды и практически забывают о его художественном наследии. Между тем оно заслуживает самого пристального внимания.

Но... тут опять же появляется соблазн — исследовать творчество перво-наперво с социальных позиций. Ведь «Один день из жизни Ивана Денисовича» или «В круге первом» воспринимаются как произведения, дающие читателю тот или иной срез общества, прямо

указывающие на его паттерны и механизмы. Согласно известному тезису Михаила Бахтина, любой роман социален, но прежде всего он — о человеке и о том, как выстраиваются, складываются отношения автора и героя. Благодаря тексту мы исследуем метафизику их бытия.

В лучших традициях русской прозы Солженицын дает мозаичное полотно с изображением множества литературных героев, и в каждом из них так или иначе отражается автор. Правда, подчас мозаика становится чересчур пестрой: Александр Исаевич, вводя персонажа, даже и не думает заканчивать его сюжетную линию, отправляя ее в некое пространство расходящихся тропок. Такой герой броско эпизодичен и походит иногда на аляповатую мушку, усеившуюся на полотне. Порой отвлекает, однако может и существенно дополнить картину. Например, в книге «В круге первом» отражаются судьбы не только тружеников «шарашек» и их жен, но и тех, кто с ними мало-мальски пересекался. Все это — хотя и не всегда доведенное до совершенства — призвано раскрыть многообразие человека и среды, особенности их взаимодействия.

К композиционному стилю Солженицына — причем не только в контексте схемы произведения, но и в плане его метафизического устройства — лучше всего применим термин Константина Леонтьева «цветущая сложность». Жизнь героя от рождения до смерти превращена у Александра Исаевича в искусство, запечатленное между полюсами. Эстетический критерий здесь становится таким же универсальным, как и физический. При этом красота бытия, согретого, к примеру, пылом любовников, переплетается с моралью каждого человека и общества в целом. Ценности же крошатся под тяжелой пятой однообразия, выстроенного по спущенным сверху лекалам.

Герои существуют как бы в трехосной системе координат: естественно-нравственной, духовно возвышенной и социально приземленной. Тяготы усредненного бытия преодолеваются силой нравственности, питаемой, в свою очередь, внешней энергией — той, что должна органично соединиться с внутренним миром.

Стяжание через делание, жизнь через эстетику — отсюда нарочитый символизм в произведениях Александра Исаевича, особенно ранних, таких, как «Матренин двор». Однако в поздних работах устремленность к полноте свойств минимизируется и в конечном итоге чахнет. Осязаемое бытие теряет своего вечного спутника — жизнь иную, параллельно в вечность идущую.

«Устремление», «устремленность» — с этим связан ключевой аспект для понимания поэтики Солженицына. Идеалист в социальном и политическом плане, в области родной речи он являлся, прежде всего, реформатором, нащупывал — не всегда ловко — связь между прошлым и будущим через трансформацию слова. Отсюда — страсть к подзабытым, нередко архаичным словам и попытки их модернизировать. Все эти бесконечные упражнения в девяти кругах отечественной лингвистики, лексические выверты-перевороты выдержит далеко не каждый, да и не все они, по правде говоря, удачны. Ерыжливая посольщица, бесомыжничаша по блудилищу — подобные архаизмы-неологизмы скорее не украшают, а перегружают текст. И часто данный литературный прием используется ради собственного приема, лишая солженицынское письмо природной органики.

Продиктовано это не только желанием автора воссоединить в настоящем тексте прошлое и будущее, но и некоторой, пожалуй, тенденциозностью. Ведь, с одной стороны, он старался придать языку новый импульс, тем самым пере-

давая его — по законам высшим — бытию, но с другой, Солженицын временами словно не чувствовал ускользающей живости написанного. Странное и не всегда продуктивное перескакивание с языка нормального, естественного на искусственные конструкты едва ли способствует динамичному (либо плавному) движению слова. А моралите, также рожденное тенденциозностью, лишь усиливает этот тяжеловесный эффект. Подобная речь, в отличие от языка Пушкина с его «Капитанской дочкой» или лучших произведений Тургенева, увы, не всегда выдерживает проверку временем, поскольку локализована не столько даже в своей эпохе, сколько в психотипе автора, крайне непростом, во многом загадочном.

Но в то же время цветущая сложность солженицынских произведений позволяет им раскрываться многообразно. Ведь можно воспринимать «Бодался теленок с дубом» как документалистику, мемуары, а можно — как новое прочтение классического сюжета о борьбе человека-героя с фатумом, могущественными, высшими силами. Очень трудно использовать однозначные трактовки для определения жанровой принадлежности его произведений.

То же касается и всего наследия писателя. Цветущая сложность не поддается рациональному, вердиктообразному анализу. Отчасти из-за этого в отношении к творчеству Солженицына почти нет средних оценок. Они сильно колеблются: от «переоцененной публицистичности» до «великого модерниста и реформатора». При определенной фокусировке оба мнения могут претендовать на некоторую объективность. Но вот то самое устремление, могучую силу творчества Солженицына отрицать невозможно в принципе. Они меняли не только русский язык с его стилистикой, но и саму ткань бытия.

Имена и даты

ФОТО: АЛЕКСАНДР ЛЕСС/РИА НОВОСТИ

Лазарь Лагин

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Леонид Быков в фильме «В бой идут одни «старики»

4 декабря

115 лет со дня рождения Лазаря Лагина

АВТОР «Старика Хоттабыча» был категорически недоволен экранизацией своего легендарного произведения, даже требовал убрать из титров собственную фамилию, то бишь ставший ею творческий псевдоним. Проживи Лазарь Иосифович еще лет восемь — десять (умер в 1979-м), он наверняка бы изменил мнение на сей счет. Ведь удивительно красочная, мастерски сработанная кинокартина Геннадия Казанского, вышедшая на экраны в 1957 году, не только не испортила сказку о джинне и его друге пионере, но сделала ее еще популярнее, а главное, долговечнее. Штука в том, что сцены, насыщенные идеологией коммунистического строительства, нынешние школяры просматривают как урок истории, практически не обращая внимания на лозунги и постулаты советской морали. Зато фрагменты, связанные с чудесами, волшебством и превосходным лагинским юмором, воспринимают на ура.

Впрочем, Россия — самая непредсказуемая в мире страна, и не исключено, что споры юного Вольки и древнего Хоттабыча о том, что следует считать настоящим богатством, а что — суетой сует, когда-нибудь снова станут злободневными. А значит, и поучительная сказка советских времен будет вполне понятной для подрастающих поколений в любой из авторских редакций.

12 декабря

90 лет со дня рождения Леонида Быкова

СДЕТСТВА он мечтал летать. В эвакуированное на Алтай летное училище 15-летнего паренька не приняли. Через два года в Ленинграде мечта почти сбылась: Леонид поступил во 2-ю спецшколу для летчиков. Но проучился там совсем недолго, школу расформировали, поскольку война завершилась.

А спустя 8 лет выпускник актерского факультета Харьковского театрального института сыграл свою первую роль в кино — деревенского паренька Сашко в картине «Судьба Марины». Затем появились на экране принесшие всесоюзную славу веселый и находчивый Максим Перепелица, тихий, романтичный Алешка Акишин из «Добровольцев» и его во многом схожий тезка из «Алешкиной любви».

Заветные думы о небе и героях-летчиках Быков гениально воплотил в кино в 1970-е. В соавторстве с Евгением Оноприенко и Александром Сацким написал сценарий фильма «В бой идут одни «старики». В 5-м гвардейском истребительном авиационном полку действительно существовала «поющая эскадрилья», при которой имелся собственный хор. И именно там служил дважды Герой Советского Союза Виталий Попков, один из прототипов Алексея Титаренко, блистательно сыгранного Быковым.

«Известная мудрость гласит: «Когда говорят пушки, музы молчат». Мы же хотели доказать, что в годы испытаний по-

беждают те, кто остается людьми в самых жестоких условиях, кто берет с собой в бой все светлое, человеческое, за что и ведет битву с врагом. А что может быть прекраснее музыки? Недаром герои «второй, поющей эскадрильи» любят повторять: «Войны преходящи, музыка вечна!» — пояснял актер, в реальной жизни наделенный примерно теми же качествами, что отличали его добрых, искренних, всеми любимых киногероев.

13 декабря

145 лет со дня рождения Валерия Брюсова

ВТВОРЧЕСТВЕ одного из основоположников русского символизма сочеталось, казалось бы, несочетаемое — начала созидательные и разрушительные, жажда жизни и нарочитое стремление к смерти.

Андрей Белый называл его «поэтом мрамора и бронзы». Большевик Лев Каменев утверждал, что Брюсов — «молотобоец и ювелир». Сам же Валерий Яковлевич писал в личном дневнике: «Если бы мне иметь сто жизней, они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня».

Он постоянно пребывал в поиске, изучал историю и философию, искусство и литературу, иностранные языки. Брюсов пробовал себя в разных жанрах. Искал новые формы стиха, экзотические рифмы, создавал необычные, часто вычурные образы.

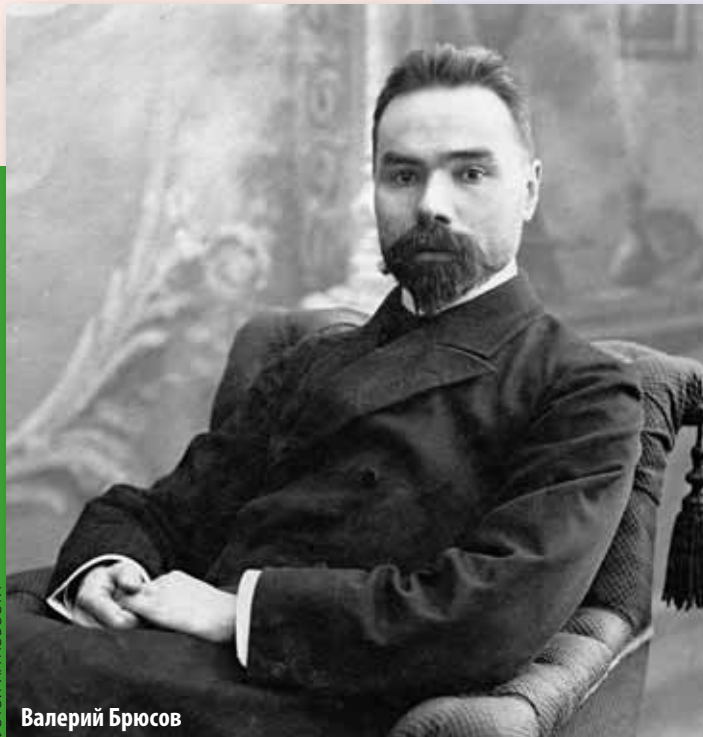
Занимался переводами, выпускал журналы (первый рукописный под названием «Начало» — еще в гимназии). В годы Первой мировой служил военным корреспондентом газеты «Русские ведомости». В 1921 году организовал Выс-

ший литературно-художественный институт и до конца жизни оставался его ректором и профессором. А еще являлся настоящим виртуозом импровизации — венки сонетов «Роковой ряд» из пятнадцати произведений поэт создал всего за семь часов. Брюсов был в числе первых русских поэтов, обратившихся к урбанистической теме. Этот певец больших городов заявлял: «Рассеется при свете сон тюрьмы, и мир дойдет к предсказанному раю». Мегаполисы в его произведениях представляли бескрайним, густым лесом символов.

14 декабря

75 лет назад вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении нового гимна СССР

ВРАЗГАР Великой Отечественной страна переживала небывалый национально-патриотический подъем. Побеждавшему могущественного, смертельно опасного врага государству нужен был гимн, который бы существенно отличался от прежнего — абстрактного и чужеродного «Интернационала». Требовались и подходящие авторы. Ими стали — надо полагать, не случайно — бывший регент крупнейших церковных хоров, сызмальства укорененный в православной среде музыкант-композитор Александр Александров, известные поэты Сергей Михалков и Габриэль Уреклян (Эль-Регистан). И хотя в первой же строчке провозглашалась нерушимость союза «республик свободных», особо подчеркивалось, что сплотила их великая Русь. Гимн оказался настолько удачным — одновременно простым и красиво-торжественным, духоподъ-

Валерий Брюсов

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Советские полярники на станции
«Полюс недоступности»

ФОТО: ИТАР-ТАСС

емным — что после безвременья 1990-х наши соотечественники вновь признали его своим.

Поначалу многие россияне пели под музыку Александра по старинке, как бы отдавая должное своей недавней жизни в СССР. В последние годы гимн практически единодушно исполняется в актуальной версии, автором которой также является Сергей Михалков.

14 декабря

60 лет назад в Антарктиде была основана советская станция «Полюс недоступности»

ПЕРВОПРОХОДЦАМ самого южного и самого холодного на Земле материка было мало достичь географического полюса — там они впервые побывали еще в начале XX столетия. Гораздо труднее оказалось пробраться вглубь, в условный центр Антарктики, который к концу 1950-х, по словам тогдашних полярников, был изучен хуже, чем видимая сторона Луны.

На самом далеком от нас континенте в ту пору действовали несколько советских научных станций. В район Полюса недоступности — равноудаленной от всех берегов Антарктиды точки — наша экспедиция под руководством Героя Советского Союза Евгения Толстикова двинулась на санно-гусеничном поезде, состоявшем из тяжелых тягачей, вездехода и саней-прицепов.

Крайне опасный, чреватый всевозможными неожиданностями (например, посреди бескрайней снежно-ледяной пустыни вдруг послышался «оглушительный звук, напоминающий грохот от удара по пустой деревянной бочке, но в тысячу раз сильнее») поход от станции «Советская» до пункта назначения занял больше десяти суток. 14 декабря в 14 ч. 45 мин. по московскому времени экспедиционный караван достиг Полюса недоступности, где прежде не ступала нога человека. Полярники установили радиомачту, оборудовали постоянную радиостанцию, разбили метео-

площадку, соорудили жилой балок, подняли флаг СССР и водрузили на привезенный постамент бюст Ленина. Легендарный американский пилот Ричард Бэрд, который еще в 1929 году первым в истории пролетел над Южным полюсом, в поздравительной телеграмме писал: «После того, как русские высадились на этих ледяных берегах, я нисколько не сомневался, что именно они первыми достигнут этой точки планеты».

27 декабря

80 лет назад было учреждено звание Героя Социалистического Труда

ТЕКСТ Положения гласил: «Звание... присваивается лицам, которые своей особо выдающейся новаторской деятельностью в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговли, научных открытий и технических изобретений проявили исключительные заслуги перед государством, содействовали подъему народного хозяйства, науки, культуры, росту могущества и славы СССР».

Золотой Звезды с серпом и молотом удостоивались руководители страны и предприятий, выдающиеся ученые, конструкторы, изобретатели, писатели, художники, артисты, рядовые труженики — все, кто внес огромный личный вклад в общегосударственное дело. Первым награжденным стал Иосиф Сталин. Но становились Героями Соцтруда и обычные школьники, которые наравне со взрослыми восстанавливали в послевоенные годы разрушенное хозяйство страны. К примеру, 15-летний Турсунали Матказимов трудился в Таджикистане, в колхозе имени Фрунзе, где в составе пионерской дружины участвовал в посадке и уборке хлопка. Когда случились заморозки и все усилия пионеров едва не пошли прахом, Турсунали предложил сверстникам во что бы то ни стало бороться за урожай. Несколько ночей они де-

журили на полях, жгли костры, накрыв каждый кустик специальным, сохранявшим тепло колпачком из бумаги. Несмотря на неизбежные потери, ребята смогли вырастить рекордный урожай: юным труженикам удалось получить 89,2 центнера хлопка с гектара на общей площади в 3 га.

28 декабря

110 лет со дня рождения Евгения Вучетича

СУРОВАЯ Родина-мать с поднятым мечом и Воин-освободитель, уже опустивший оружие (он бережно держит на руках маленькую девочку) — на эти памятники, запечатлевшие апофеоз и триумфальное завершение Великой Отечественной, невозможно смотреть бесстрастно.

Их автор, сын обрусевших серба и француженки Евгений Вучетич, знал о войне не с чужих слов. С первых дней он ушел добровольцем на фронт. После тяжелой

контузии и демобилизации он выезжал на передовую в составе Студии военных художников имени Митрофана Грекова.

Искусствоведы сходятся во мнении: на создание Родины-матери — центра мемориального комплекса, прославляющего мужество защитников Сталинграда, — Евгения Викторовича вдохновила античная скульптура Ники Самофракийской. Великое произведение Вучетича на берегах Волги стало первым в СССР памятником, полностью выполненным из железобетона: в послевоенный период было отдано предпочтение одному из самых недорогих материалов.

Что касается Воина-освободителя, то работа над монументом началась с поразившей скульптора истории: в апреле 1945-го сибиряк Николай Масалов, рискуя собственной жизнью, спас из-под шквального огня маленькую немецкую девочку. Бронзовый солдат стоит на постаменте из трофейного гранита — камня, заготовленного по приказу Гитлера для строительства монумента в честь победы над Советским Союзом.

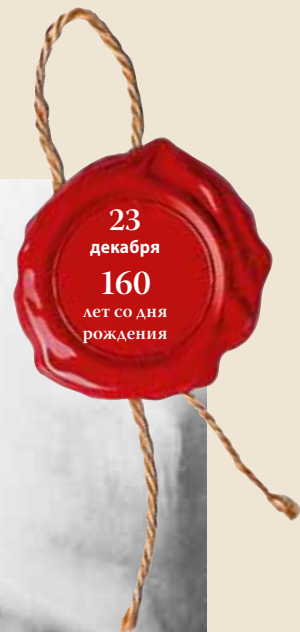
ФОТО: ВАСИЛИЙ МАЛЫШЕВ/РИА НОВОСТИ

Евгений Вучетич

Памятник Воину-освободителю в Трептов-парке

В. Немирович-Данченко. 1918

От Малого до Художественного

ФОТО: ШЕРЛИНГ/РИА НОВОСТИ

Валерий Бурт

Люди творческие, стремясь подчеркнуть свой богатый личный опыт, нередко заявляют: «Я прожил не одну жизнь, а несколько», — и порой это отдает некоторой театральностью. Когда же нечто подобное говорил о себе Владимир Немирович-Данченко, фраза звучала абсолютно естественно.

Незабываемые встречи с Александром Островским, Иваном Тургеневым, Львом Толстым, дружба с Антоном Чеховым, тесное сотрудничество с Максимом Горьким и Леонидом Андреевым, постановки пьес Николая Погодина, Александра Корнейчука, Леонида Леонова, нормальные, «рабочие» взаимоотношения как с властями Российской империи, так и с Советами, — разве все это не подтверждает такую саморекомендацию?

Мечты сбываются

Вот еще одна его автохарактеристика: «Говорят, я принадлежу к мечтателям. Вероятно. Однако к таким, которые довольно упрямо добиваются осуществления своей мечты».

Начинал он как театральный критик, выступал с обзором в журналах «Будильник», «Артист», «Стрекоза». Пробовал силы в прозе и драматургии — довольно успешно. Его дебютная пьеса «Шиповник» прошла в Малом театре под зрительские овации. А за «Цену жизни» Владимир Иванович удостоился в 1896-м Грибоедовской премии. Хотя от нее отказался, поскольку счел, что чеховская «Чайка» заслуживает высокого признания и поощрения куда больше. Будучи разносторонне одаренным, он, тем не менее, отдавал себе отчет: соперничать с большими писателями в литературном мастерстве — не его стезя. И готовился к иной миссии.

Как правило, его имя находится в тени Константина Станиславского. Но это — не показатель того, что в деле создания МХТ Немирович-Данченко играл второстепенную роль. Главным вдохновителем, инициатором, генератором первого и самого важного импульса являлся именно он.

«Я знавал очень многих людей, умных, любящих литературу и музыку, которые не любили ходить в театр, потому что все там находили фальшивым и часто подсмеивались над самыми «священными» сценическими вещами. Мы с нашей интеллигентской точки зрения называли этих людей закоснелыми или житейски грубыми, но это было несправедливо: что же делать, если театральная иллюзия оставляла их трезвыми. Виноваты не они, а театр... Блестящие традиции прежнего выродились в простой, технический, ловкий прием игры... Подлинных талантов, «милостью божьей» было мало, а театральное дело в те времена находилось, с одной стороны, в руках буфетчиков, а с другой — в руках бюрократов». Цитаты из книги Немировича-Данченко «Рождение театра» говорят как раз о том, ЧТО на самом деле послужило первопричиной для возникновения МХТ, МХАТа — всемирного образца сценического искусства.

К моменту исторической встречи отцов-основателей в ресторане «Славянский базар» Владимир Ива-

нович, по словам Константина Сергеевича, являлся «известным драматургом, в котором некоторые видели преемника Островского». Кроме того, преподавал в училище Московского филармонического общества и заслужил репутацию блестящего педагога. У него учились такие звезды, как Иван Москвин и Всеволод Мейерхольд, Ольга Книппер и восхитительная (характеристика Станиславского) Маргарита Савицкая.

В письме управляющему императорскими московскими театрами Немирович-Данченко предлагал реформировать Малый, понимая, впрочем, что выраженные им идеи едва ли будут востребованы: «Посылая записку, я, наверное, предвидел, что он не воспользуется ни одним моим советом. Поэтому продолжал думать о своем собственном театре».

Тогда же подыскивал соратника и вдруг — «в первый раз... вспомнил о Станиславском».

Актер и режиссер Константин Алексеев подвизался

в ту пору на любительской сцене, уже приложил руку к созданию Московского общества искусства и литературы, благо являлся выходцем из семьи богатых русских промышленников.

Получив приглашение от Немировича, Станиславский ответил мгновенно, «точно он ждал, что вот придет, наконец, к нему такой чело-

век... и скажет все слова, какие он сам давно уже имел наготове».

«Беседа завязалась сразу с необыкновенной искренностью. Общий тон был схвачен без всяких колебаний», — в «Славянском базаре» они засиделись до позднего вечера, а затем отправились на дачу Константина Сергеевича в подмосковную Любимовку. Поскольку затеянный в ходе страстного диалога проект выростал до размеров поистине колоссальных, обменом реплик не ограничились. Разработали план дальнейших действий, обсудили финансовые вопросы, будущий репертуар, специфические тонкости ангажемента, а также принципы сценической этики, особенности художественных идеалов и прочие архиважные вещи.

Партнеры говорили и о создании элементарных удобств как для актеров, так и для гримеров, суфлеров, портных. Прежде о «вспомогательных службах»

КУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

театра никто не то чтобы не заболел, но даже и не думал.

Константин Станиславский вспоминал: «Владимиру Ивановичу пришлось согласиться на право моего режиссерского и художественно-постановочного veto. В протокол было записано: «Литературное veto принадлежит Немировичу-Данченко, художественное — Станиславскому». В течение последующих лет мы крепко держались этого пункта условия. Стоило одному из нас произнести магическое слово veto, спор на полуслове обрывался без права его возобновления, и вся ответственность падала на того, кто наложил свой запрет».

«Хорошо, что не все предвидели»

Эти совершенно разные люди вместе плодотворно трудились более четырех десятилетий — случай в истории мировой сцены беспрецедентный!

В октябре 1898 года состоялась первая премьера Художественно-общедоступного театра (спустя три года из названия уберут слово «общедоступный», а после революции добавят «академический»). Трагедия Алексея Толстого «Царь Федор Иоаннович» с Иваном Москвиным в главной роли снискала огромный успех. Зрителей впечатлило все: и совместная режиссура Станиславского и Немировича-Данченко, и вдохновенная игра актеров, и искуснейшие декорации, и красочные костюмы исполнителей. Спустя два месяца взлетела наконец, воспарила высоко «Чайка»...

Формально отцы-основатели были в театре на равных правах. И все же Константин Сергеевич занял в МХТ главенствующее положение, а Владимир Иванович по этому поводу не протестовал — дал возможность партнеру свободно творить, развернуть во всю ширь Богом данный талант.

Дуэт далеко не всегда был монолитен. Случались споры, превращавшиеся в ссоры. В своем

Д. ЖИЛИНСКИЙ «ВЕСНА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА», 1988

дневнике Немирович-Данченко высказался об этом так: «Я считаю Алексея очень большим режиссерским талантом. С фантазией, превосходящей всякие ожидания. С огромной памятью жизненных наблюдений. Как у крупного человека, у него есть и крупные недостатки. Но я почти не борюсь с ними, чтобы не заглушить его положительные качества».

Все заботы о театре — переговоры с драматургами, меценатами, вкладчиками и пайщиками, проблемы, связанные с распространением билетов и контрамарок, работой буфета и библиотеки, состоянием артистических уборных, фойе, гардероба — лежали на плечах Немировича. Как это ни удивительно, хватало у него сил и времени и на творчество. Он планировал постановки, заменял Станиславского на репетициях, когда тот отлучался, брал на себя обязанности режиссера.

Московский Художественный держался на нем, Владимир Ивано-

вич справлялся с неподъемной для простого смертного грудой дел. «Было очень хорошо, что мы не все знали и не все предвидели, — признавался впоследствии. — Потому что если бы все предвидели, то, пожалуй, не решились бы на это дело». Кстати, в 1907-м Немирович хотел уйти из театра, и об этом сообщали как о большой сенсации газеты.

Держать удар приходилось редко. Однажды Горький, получив его отзыв на «Мещан», рассердился не на шутку: «Внимательно прочитав Вашу рецензию на пьесу мою, я усмотрел в Вашем отношении к вопросам, которые мною раз навсегда, неизменно для меня решены, — принципиальное разногласие. Оно неустранимо, и потому я не нахожу возможным дать пьесу театру, во главе которого стоите Вы».

Хотя прежде Алексей Максимович осыпал его похвалами. Например, после показа спектакля «На дне» прочувствованно благодарил:

«Половиною успеха... я обязан вашему уму и сердцу, товарищ». К счастью, через год пожар конфликта потух, и два выдающихся человека пожали друг другу руки.

Последние дни

В 1906 году полицейское руководство потребовало: дирекция театра должна регулярно выделять три билета переодетым в штатское агентам. Немирович-Данченко обратился к градоначальнику, не скрывая раздражения: «Не понимаю, почему членам охранного отделения нужно наблюдать за публикой в зале театра во время хода действия, когда публика сидит молча на своих местах и следит за пьесой».

После Октябрьской революции он сумел найти общий язык и с новой властью, театр получил государственную поддержку. Основатели МХТ жили относительно безбедно, бывали за границей. Их подопечных награждали орденами, почетными званиями, пре-

миями, поощряли различными льготами.

МХАТ СССР был официально признан первым и лучшим драматическим театром в стране. Расположение властей во многом объяснялось тем, что Сталин любил Московский Художественный и часто бывал в нем. Общеизвестно, что «Дни Турбиных» по пьесе Михаила Булгакова генсек смотрел несчетное количество раз. Он нередко общался со Станиславским, а однажды спросил далеко не молодого уже режиссера: не мешают ли ему «неучи из политпросвета», которые контролируют творческую деятельность? Константин Сергеевич не то притворно, не то искренне испугался и, понизив голос, произнес: «Тише, Иосиф Виссарионович, тише, здесь же кругом ГПУ!»

Немирович в столь «доверительные» диалоги с сильными мира сего старался не вступать. Более того, по мере возможностей ограждал афишу от слабых,

конъюнктурных, сделанных под политический заказ пьес. Не без гордости утверждал: «В основном репертуаре нашего театра должны быть спектакли, целиком достойные репутации и ответственности МХАТа. Это — главная задача моей жизни».

Он посмел отказать даже прокурору СССР Андрею Вышинскому, который настаивал на постановке «Простого дела» — о героических буднях следователей, разоблачавших вредителей и врагов народа.

В конце жизни — уже без Станиславского — Владимир Иванович поставил «Три сестры». Спектакль шел при аншлаге и стал очередным триумфом. «Я чеховский человек, человек Чехова. Это мое поколение, мое время», — данное высказывание Немировича-Данченко характеризует его лучше любых сторонних славословий.

Он хотел «замахнуться» на «Гамлета», возродить «Дядю Ваню», но замыслы пришлось отложить в долгий ящик. А «Кремлевские куранты» ставить было НАДО, и за эту работу он получил первую Сталинскую премию, вслед за ней — вторую.

Незадолго до смерти, весной 1943-го, у него имелись большие планы, в том числе — «заново поставить на ноги» театр. Точнее, даже не один, а целых два. Ведь в 1941-м окончательно сформировалось еще одно замечательное детище отцов-основателей МХАТа — Московский академический Музыкальный театр имени народных артистов К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Как всегда бодрый, подтянутый, Владимир Иванович репетировал финал спектакля «Последние дни». Все вокруг видели — у мэтра отменное настроение, пожалуй, еще никогда он не восклидал со столь заразной улыбкой и таким воодушевлением: «Хорошо жить! Вот так просто — хорошо жить!»

Его жизнь и впрямь была великолепна.

Проверено временем

В. Лужский,
Вс. Мейерхольд,
М. Роксанова
в спектакле
«Чайка». 1898

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Поставили на крыло

Елена Федоренко

29 декабря 1898 года Московский Художественный общедоступный театр показал премьеру «Чайки» в постановке Константина Станиславского и Владимира Немировича-Данченко. Спектакль определил судьбу не только русского, но и мирового сценического искусства. Взошли ростки театральной системы, где режиссерская концепция повела за собой настроенный на единый лад актерский ансамбль, а темой диалога со зрителем стало то, что заботило каждого. Жизнь, такая, как она есть, подавалась через партитуру тончайших настроений, художественную атмосферу и обостренный нерв «теченья дней, шелестенья лет». «Нам посчастливилось найти новый подход к Чехову. Он — особенный. И эта его особенность является нашим главным вкладом в драматическое искусство», — напишет позже Станиславский. Сегодня МХТ носит имя великого драматурга, а эмблемой театра стала чайка Федора Шехтеля, летящая над волнами.

«Не дам ни одной пьесы»

Художественный открылся трагедией Алексея Толстого «Царь Федор Иоаннович». Ее сразу приняла восторженно, а 24-летний исполнитель заглавной роли Иван Москвин на следующее утро проснулся знаменитым. Великое сценическое произведение пережи-

ло три революции, две мировые войны, поменяло несколько поколений артистов, вошло в ряд легенд. Но именно «Чайку», появившуюся чуть позже, отцы-основатели считали началом своего театра. После ее московской премьеры Немирович-Данченко написал: «Новый театр родился!» И занавес МХТ навсегда увенчала белокрылая птица.

Этот спектакль не стал первым прочтением пьесы, она уже два года шла в Таганроге, Киеве, Ярославле, а впервые появилась в Александринском театре (1896), где вызвала возмущение публики и злобное негодование критиков. Грандиозный провал на Императорской сцене и триумф в совсем еще юном Московском Художественном, болезненное фиаско, которое потерпела знаменитая труппа тогдашней столицы, и яркая победа молодого, только-только заявившего о себе в Первопрестольной коллектива — эти противопоставления стали знаковыми, вошли в мировую историю искусства.

Выдающийся театральный мыслитель Павел Марков отмечал, что неуспех в Петербурге «был провалом театральной системы... концом старого театра... свидетельствовал о решительной необходимости обновления театра в целом». Хотя играли столичные артисты мастеровито, старательно, эффектно, но — в эстетике и ритме пьес Ипполита Шпажинского и Петра Невежина. «Это не «Чайка», а просто дичь», — резюмировали обозреватели. «Театр дышал злобой, воздух спекся от ненависти, и по законам физики я вылетел из Петербурга, как бомба», — вспоминал Антон Павлович. Пьесу не поняли и близкие писателю люди. Опытный антрепренер Федор Корш предупреждал: «Голуба, это же не сценично: вы заставляете человека застрелиться за сценой и даже не даете ему поговорить перед смертью!» Язвительный недоброжелатель Александр Кугель сокрушался: «Пьеса производит истине удручающее впечатление». Заветную тайну «Чайки» приоткрыл МХТ, распахнувший двери в театральное «завтра», развернувший устои «от реализма внешнего к внутреннему, к тончайшим проявлениям жизни человеческого духа». Идея постановки принадлежала Немировичу-Данченко, ее он и сказал еще на встрече в ресторане

А. Чехов с актерами Московского Художественного театра за чтением пьесы «Чайка»

ФОТО: ИТАР-ТАСС

«Славянский базар», когда придумывали со Станиславским, каким быть Художественному. Сражался в одиночку. Константин Сергеевич опасался «Чайки». Чехов и вовсе решил отречься от сцены: «Если я проживу еще семьсот лет, то и тогда не дам на театр ни одной пьесы. Будет! В этой области мне неудача». Немирович решил все уладить, пообещав автору небанальный подход, с молодыми, «не испорченными театральным штампом дарованиями», и объяснил свое понимание пьесы — отметил «скрытые драмы и трагедии в каждой фигуре». На письма Антон Павлович отвечал не сразу и неохотно, подчас не реагировал вообще. Владимир Иванович пошел ва-банк, упредив: «Если ты не дашь «Чайку», то зарежешь меня, т.к. это — единственная современная пьеса, захватывающая меня как режиссера, а ты — единственный современный писатель, который представляет большой интерес для театра с образцовым репертуаром».

Драматург сдался, хотя был готов к повторному провалу. На премьеру не приехал — и напрасно: успех, оглушительный и безоговорочный, «рос с каждым актом» (Станиславский); «Вызовы бесконечные. Победа определена» (Немирович-Данченко).

Новая драма

«Я напишу что-нибудь странное, — обещал Чехов, когда начал «Чайку». — Работаю... не без удовольствия, хотя страшно вру против условий сцены. Комедия, три женских роли, шесть мужских, четыре акта, пейзаж (вид на озеро); много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви». В «новой драме» оказалось не просто море неясностей — все поставлено с ног на голову: вялотекущая жизнь в одной из усадеб средне-русской полосы, сплошные необязательные разговоры; все герои — несчастливые, страдают, влюблены без взаимности, у каждого — своя беда. Кто из них — отрицательный,

кто — положительный? Где протагонист, основной конфликт? Что за жанровая неопределенность?! Почему нет последовательной интриги? Такое пренебрежение канонами казалось дерзостью непозволительной.

Еще и главные события не показаны, скрыты за ремаркой «Прошло два года», дескать, много воды утекло: Нина сбежала из дома, стала актрисой, сошлась с Тригориным, родила, ребенок умер; Маша вышла замуж за нелюбимого, родила; Костя Треплев сделался писателем; Дорн съездил в Геную, Тригорин расстался с Ниной, вернулся к Аркадиной...

Все важное — за сценой. В «Чайке» действие движется между непозволенным — на волнах лирических течений. Даже самоубийство героя ничего не решает — пронизанные общей грустью, душным неблагодарным получаем, оваянные атмосферой одиночества и ощущением тревоги дни перелистываются дальше. Всеми своими настроениями пье-

са близка той действительности, где ждут катастрофу, бурю.

Драма — обостренно современна. Немногословный Чехов отразил слом эпох и затеял разговор о новых формах в искусстве. Тригорин, как и Аркадина, — представители традиций и богемы. Треплев с Ниной олицетворяют нарождавшийся символизм с его Мировой душой, к которой зывали Дмитрий Мережковский и Владимир Соловьев. Антон Павлович абсолютно точно, с объективностью соучастника обрисовал литературно-театральную ситуацию середины 1890-х. Декадент Костя Треплев выступает против рутинеров и стреляется не столько из-за безответной любви к Нине и плохих отношений с матерью, сколько из-за того, что Чехов пророчил скорый крах символизма. Так и случится.

Пьеса — с ее таинственно пульсирующими смыслами, переносом внимания с фабульных виражей на внутреннее действие, с подтекстами, которые важнее изложения сюжета, и с пронзительными душевными реакциями — поручала театру новое художественное задание. Выполнить его могла только крепкая режиссура. Островского и Шекспира, Фонвизина и Шиллера можно играть без постановочной воли — текст вывезет. «Чайка» — не из категории «самоигральных», здесь необходимо наладить между людьми не зафиксированные вербально связи, выстроить принципиально новый способ общения персонажей. Чеховская драма открывала путь «к новым принципам построения спектакля, к воплощению сценическими средствами чеховской стилистики. МХТ разгадал мнимую несценичность пьес Чехова».

«Когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни»

«Чайку» в 1898-м ставили не классики, какими они станут через годы, а молодые, безудержно влюбленные в сцену люди. Еще не было Системы с ее сверхзадачей и понятиями, которыми ныне пользуется весь мир, — эмоциональной памятью, сквозным действием, подсознанием. Но «жизнь человеческого духа» и «я в предлагаемых обстоятельствах» уже рвались на подмостки, а режиссеры понимали, что смысл пьесы не в изменах, выстрелах, дуэлях — его следует искать в чем-то другом.

Нина. Это какое дерево?

Треплев. Вяз.

Нина. Отчего оно такое темное?

Треплев. Уже вечер, темнеют все предметы.

Конечно, влюбленные говорят не про деревья, а о том, что внутри и поверх сказанного. Текст не совпадает с подтекстом, этот разрыв, контрапункт не выразить пышным лицедейством и имитацией, только — чувствами, сотканными из интонаций, жестов, взглядов, общения, поз, через психологический анализ ролей и

партитуру нюансов. Еще и пейзаж присутствует неотступно.

Пленэр очень важен драматургу, но в событиях не участвует. Раньше-то он всегда был увязан с происходящим, будь то грозные раскаты в «Короле Лире» или покаяние Катерины из «Грозы» под те же звуки грома.

Удивительно, но «Чайку» актеры поняли, чеховская поэтика оказалась им близка. Все они выросли на литературе, напитанной головокружительным «декадентством», а уж страсть к театру оказалась и вовсе родной стихией. Не знали главного — как играть персонажей, столь похожих на них самих. Видели, какая пропасть разверзлась между привычным способом существования на сцене и образами, которые благодаря одному мастерству не воплотишь. «Все мы любили Чехова-писателя, но, читая «Чайку», недоумевали: возможно ли ее играть?» — признавалась Ольга Книппер.

Постановщики шли наугад, презрев ориентацию на привычные законы театра, отбросили канонические амплуа, актерское каботинство, устоявшиеся штампы. Они верили в свое дело, хотя и сомневались в результате. На сцене «пахло валериановы-

М. Роксанова и К. Станиславский
в спектакле «Чайка». 1898

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ми каплями». После первого акта, когда закрылся занавес, «актеры пугливо прижались друг к другу, кто-то заплакал, Книппер подавляла истерическое рыдание».

Все было необычно: симфония глубоких, но по сути простых и понятных человеческих чувств, обстановка, в которой герои важны не по отдельности, а как единый нервный и подвижный ансамбль, диалоги с тончайшим интонированием и подводными течениями, где в бесконечных, утрированных паузах, а не в потоке событий, обнаруживается ускользающая, неуловимая, скрытая жизнь.

На сцене в узнаваемом, дотошно обставленном предметном мире текла обыденность с ее однообразием и монотонностью. Церковный перезвон и жужжание мошкар, вой собак и кваканье лягушек — во всей деревенской этой скуке искали не зеркального отображения быта, а его магического претворения через волшебство театра.

Зрителям предлагали совместно пережить происходящее, для чего посадили героев вдоль рампы, спиной к залу — публика вместе с обитателями усадьбы могла смотреть любительский спектакль Кости Треплева на фоне колдовского озера. Станиславский признавался: «Мне было страшно сидеть в темноте и спиной к публике во время монолога Заречной, и я незаметно придерживал ногу, которая нервно тряслась».

Ничего не демонстрировали, кроме, пожалуй, естественности самой жизни. Сохранилось подробное описание первой сцены второго действия, когда Аркадина говорит Маше: «Кто из нас моложе?.. я корректна, как англичанин... держу себя в струне... всегда одета и причесана *comme il faut*... хоть пятнадцатилетнюю девочку играть». Обычно в «Чайке», в том числе в исполнении Александринки, актрисы показывали, какие они моложавые, гордо вскидывали головы, пританцовывали — иллюстрировали текст движением. А в МХТ Аркадина сидела в кресле, за кофе с печеньем. Когда разговор завершался, она ловко ставила чашку с блюдцем на стол, вставала, отряхивала крошки с подола и словно выполняла чеховский наказ: «Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни».

Первая плеяда Художественного собрала два клана: подопечных Немировича-Данченко из училища Московского филармонического общества и участников Общества искусства и литературы, которым руководил Станиславский. Самый большой успех выпал на долю Всеволода Мейерхольда, сыгравшего Треплева. Будущий искатель новых форм и ненавистник традиций оказался весьма убедителен в роли человека, который, несомненно, написал пьесу о Мировой душе, мог подстрелить чайку и точно знал, что

«скоро таким же образом» убьет самого себя. Чехов, когда работал над «Чайкой», о юном актере с немецкой фамилией не слышал, однако все, к чему стремится Треплев, Мейерхольд спустя годы реализует как режиссер...

Зрители и критика восторженно приняли исполнительниц двух женских ролей: нервную и броскую Книппер (Аркадину) и Марию Лилину, тоскующую Машу, которая «тащит свою жизнь волоком». Обе играли «незаурядно и смело» и, конечно, не ведали, что выйдут замуж за реформаторов театра. Ольга Леонардовна станет Книппер-Чеховой, а Мария Петровна соединится со Станиславским.

Очевидцев увлекали пресыщенный, равнодушный Дорн (Александр Вишневский), растерянный в предощущении заката дней Сорин (Василий Лужский), умный и циничный Шамраев (Александр Артем). Тригорина-Станиславского оценивали по-разному. К примеру, Чехова он разочаровал безволием и пассивностью. Не порадовала писателя и мелодраматично-слезливая Нина Марии Роксановой. В последней актерской неудаче Немирович-Данченко упрекал сооснователя МХТ: «Ее сбил с толку Алексеев, заставив играть какую-то дурочку».

Кто тот смельчак

«Чайка» — одна из главных побед тандема, создавшего передовую труппу. О роли каждого в становлении режиссерского театра XX века споры не утихают и сегодня. Несомненно то, что общая культура и живое обаяние знаменитой постановки — заслуга обоих. И тот, и другой проявили образцовое уважение к первоисточнику. Константин Сергеевич сосредоточился на подробной проработке мизансцен: прописал по Чехову траектории перемещений персонажей, звуковую и световую партитуры, разгадал шарады пауз и «обострил нервный драматизм пьесы». Владимир Иванович трудился с актерами над «подлинностью проживания», занимался разгадыванием психологических загадок — «петельками-крюлочками» во взаимоотношениях героев, кружевами вздохов и взглядов, полутонами чеховской лирики. Немировичу великий драматург подарил медальон с надписью: «Ты дал моей «Чайке» жизнь. Спасибо!»

Станиславский спустя без малого три десятилетия на заседании репертуарно-художественной коллегии МХТ сказал: «Кто тот смельчак, который решится сейчас ставить пьесу, сделавшуюся эмблемой театра? Я не решусь на это».

Храбрецов за последующий век нашлось немало. Драматургический сюжет, гибкий и бездонный, разворачивали во все стороны, он поддается самым разным интерпретациям. Вероятно, именно поэтому «Чайку» продолжают разгадывать до сих пор.

Картины

счастливого детства

В XX веке на долю русских художников выпало немало испытаний. После революционных событий многие уехали за границу, не приняв новый строй, и лишь единицам удалось завоевать любовь иностранной публики. Среди получивших признание — Леон Бакст, Наталия Гончарова, Михаил Ларионов, а также Эрте (Роман Тыртов), правда, перебравшийся в Европу в 1912-м. Еще один любимчик отечественных и заграничных зрителей — Николай Богданов-Бельский, ныне, увы, почти забытый.

Ксения Воротынцева

НЕВЕРОЯТНАЯ прижизненная популярность художника, а также его стремительная карьера объясняются не только талантом, но и удачей. В ту пору в отечественном искусстве существовала серьезная конкуренция: публика обожала Коровина, Серова, Куинджи, Репина, увлеклась «Миром искусства»; появились «злые молодые люди» — представители русского авангарда. Однако Богданову-Бельскому удалось найти свои темы и сделать стиль узнаваемым. Его биография напоминает авантюрный роман: он родился у обедневшей крестьянки в деревне Шитики. Внебрачный ребенок, никогда не носивший фамилию отца, стал Богдановым — намек на подарок небес. Вторая часть двойной фамилии появилась позже — в честь Бельского уезда, малой родины художника.

Про ранние годы он вспоминал: «Мои родители были безземельные крестьяне Смоленской губернии. Вокруг нашей деревни шли многочисленные усадьбы мелких помещиков. Отношения между ними и крестьянами были наилучшие. Помещики давали работу, добросовестно оплачивали ее. Как сейчас помню, что тяжелый полевой труд начинался и кончался праздниками, песнями, угощением. Легко и привольно жилось... С малых уже лет у меня проявилась страсть к «художеству», — вырезывал разные предметы, фигурки из дерева. Вырезал однажды целую скрипку, которую соседний помещик и купил за 20 коп. Мне было тогда 6 лет».

На самом деле, Богдаше, как позже прозвали его товарищи, пришлось нелегко: они с матерью не имели собственного дома, жили у родственников. Помог счастли-

«ПОСЕТИТЕЛИ»

«НА ОЗЕРЕ»

«У ДВЕРЕЙ ШКОЛЫ», 1897

вый случай — в возрасте девяти лет будущий художник попал в образцовую народную школу, основанную дворянами Рачинскими в селе Татево. Оттуда судьба привела в изобразительное искусство: «С.А. Рачинский однажды заинтересовался, есть ли среди детей способные к живописи. Указали на меня, как на любителя исписывать все своими рисунками. С.А. дал задание срисовать с натуры одного учителя. Экзамен происходил на виду всей школы, в Татево. Впервые мне с натуры пришлось рисовать человека. Написал, однако. Нашли сходство. С.А. взял рисунок и отнес к своей матери. Она захотела меня видеть, и вот крестьянский мальчик попал в роскошные хоромы богатого дома. Приветливо встретила меня В.А. Рачинская, глубокая старуха, сестра известного поэта Е.А. Баратынского, современница Пушкина, с которым она танцевала на балах. Очень часто гостила у Рачинских их родственница, баронесса Дельвиг, сестра друга Пушкина. Много интересного рассказывали женщины о великом поэте. Счастливые часы проводил я в обществе их и С.А. Рачинского, милого и культурного человека, безгранично любящего русский народ. Многим, если не всем, я обязан этой семье. Под покровом ее прошло все мое дальнейшее воспитание».

Когда юному живописцу исполнилось 13 лет, Сергей Рачинский устроил его в иконописную мастерскую в Троице-Сергиевой лавре. Религиозная тема впоследствии стала одним из мотивов картин мастера («Пасхальный натюрморт», начало XX века; «Венчание», 1904; «В церкви», 1932).

В 1884 году Богданов-Бельский был зачислен в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Здесь ему вновь улыбнулась удача: картина «Будущий инок» (1889) принесла молодому таланту серебряную медаль. Самому художнику работа не нравилась, однако публика пришла в восторг: «Отвез в Москву и... проснулся однажды «знаменитым». Поздравляли товарищи, профессора, допытываясь, какими путями я достиг такой экспрессии в лице «будущего инок». Я и сам не знал. Объясняю это моим тогдашним религиозным настроением.

Картину купил за 300 р. Солдатенков, крутой старик-старообрядец. В 1890 г. с его разрешения я выставил «Будущего инок» на «Выставке Передвижников». Государыня Мария Феодоровна, не зная, что картина собственность Солдатенкова, оставила ее за собой. Комитет Выставки спохватился, но поздно. Через Рачинского я попросил Победоносцева переговорить с государыней. Она передала, что будет очень обязана Солдатенкову, если он переуступит ей картину. Победоносцев телеграфировал старику, и тот ответил, что «почтет за счастье, если государыня возьмет у него картину».

Богданов-Бельский даже совершил путешествие в Константинополь, а также паломничество на Афон:

«СИМФОНИЯ», 1920

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

«Здесь я встретился с монахом, отцом Филиппом, на которого мне афонские отцы указали, как на «богописца».

Этот «богописец» оказался крестьянином Рязанской губ., приехавшим на Афон «спасать душу», как он мне заявил, причем, «спасение души» соединил с неутомимой жадью к живописи, которой нигде не учился. Он все время сопровождал меня на работах и однажды поразил рисунком монаха с натуры. В 1894-5 гг. я встретился с ним в мастерской Репина. О нем говорили как о большом таланте. Это был... Малявин». Художником заинтересовались богатые заказчики («Портрет княгини Горчаковой», 1903; «Портрет

М.С. Шереметевой», 1898; «Портрет генерал-адъютанта Гессе», 1904; «Портрет великого князя Дмитрия Павловича Романова», 1902). В 1899 году Богданов-Бельский пишет портрет вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Лето 1902-го провел в имении генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, где создал ряд изображений членов семьи хозяина. За успехами мастера следили коллеги. Михаил Нестеров в одном из писем привел мнение Васнецова о еще начинающем живописце: «Богданов-Бельский не понравился. Он ждал по крикам лучшего. Мальчик хорош, но, по его словам, в картине нет творчества и, за исключением

АВТОПОРТРЕТ. 1915

мальчика, все напоминает В. Маковского и Максимова. Но Васнецов согласен, что Богданов-Бельский еще долго будет мне солить на выставках своим успехом, но этим смущаться не следует». Надо сказать, Николай Петрович порой увлекался внешними эффектами, а также идеализацией персонажей, из-за чего его работы называли салонной живописью. В отличие от большинства передвижников мастер (вступивший, кстати, в ряды Товарищества) не желал бичевать пороки общества, хотя его наставником в Императорской академии художеств был сам Репин.

После окончания учебы в Академии молодой человек отправился в заграничное путешествие: посетил Германию, Францию, Италию. Набрался опыта у западных художников, а затем решил вернуться к корням: «После Парижа я увлекся «пленэрзмом». Воздух, фигуры среди пейзажа, свет — вот чему с 1905 г. я стал отдавать свое внимание. <...> В 1910 г. я написал картину «Именины учительницы», отмеченную и печатью, и еще больше художниками-импрессионистами за те импрессионистские достижения, которых я добился в ней. Картина была на всемирной выставке в Риме (1911 г.) и Мюнхене... Но сильны воспоминания детства и переживания юношеских годов. Я так много лет провел в деревне, так был близок к сельской школе, так часто наблюдал крестьянских детей, так

«МАЛЬЧИК С БАЛАЛАЙКОЙ», 1930

полюбил их за непосредственность, даровитость, что они, как-то сами собой, сделались героями моих картин. Что делать! Каждому свое».

В творчестве Богданова-Бельского именно детская тема стала основополагающей. Мастер, как правило, выбирал сюжеты, связанные с учебой: «У больного учителя» (1897), «Устный счет» (1895), «Ученицы» (1901), «За книжкой» (1915). Учитель Николай Зольников, сын учителя села Островно, где часто бывал художник, оставил следующие воспоминания: «Николай Петрович Богданов-Бельский был милейший и добрейший человек, дети так и льнули к нему. Подарки часто им делал. То леденцы принесет, конфеты, то баранок накупит и раздаст детворе. Школу нашу часто рисовал. На многих полотнах и отец мой изображен, он тоже

«БРОД»

учителем был. В школе нашей была у него и любимая парта, за ней ребята рисовал. Дети так ее и звали — Николая Петровича парта. <...> Николай Петрович был заядлый охотник, но неудачник. Бывало, промажет из ружья и начинает оправдываться: то под руку его дернули, то лодку качнули, то собака не вовремя тявкнула. Сердился, а остальные над ним посмеивались, ну, что, мол, опять промазал. Это мне отец рассказывал, который часто с ним на охоту ходил. Пел он хорошо, заслушаешься. В нашей церкви он пел в хоре басовые партии и за дьякона мог».

В 1921-м Богданов-Бельский уехал в Ригу — по приглашению друга, художника Сергея Виноградова. Одной из причин эмиграции оказалась неостребованность: вместе со сменой общественного строя изменилась и эстетика. Авангард активно заявлял о своих правах. Живописец жаловался Репину: «Из того, что я написал за эти четыре года (1917–1921. — «Свой»), ничего не было выставлено в России. С большими трудностями и ухищрениями все это мне удалось вывезти в Ригу». В столице Латвии ему помог один из учеников

Архипа Куинджи, Вильгельм-Карл Пурвитис, который возглавлял местный художественный музей. В стенах институции в конце 1921 года открылась персональная выставка русского мастера, через два года — еще одна. Всего в Латвии с 1922-го по 1940-й прошло семь персональных выставок мэтра; кроме того, его картины экспонировались в Праге, Берлине, Гамбурге, Мюнхене, Нью-Йорке, Амстердаме, Осло, Хельсинки, Торонто, Таллине, Копенгагене... Отечественный классик оказался очень популярен: в Риге его даже узнавали на улице. На родине его творчество, к сожалению, не получало детального освещения. Правда в 40-м, когда в Риге на короткое время установилась советская власть, Николая Петровича все же пригласили участвовать в выставках в Москве: он даже отправил в Россию семь работ.

При этом Богданов-Бельский никогда не пытался угнаться за модой и не изменял однажды выбранным темам. По-прежнему много писал детей, одетых в русские народные костюмы: время на его картинах словно остановилось. Чужие ландшафты вызывали в его памяти родные просторы. Он признавался: «Латвия вообще очень живописна, и в особенности Латгалия. Природа ее очень мне напоминает северную часть Смоленской губернии, где я родился и провел свое детство». Работал и в окрестностях Псково-Печерского монастыря, тогда находившегося на территории Эстонии. В эмиграции были созданы такие вещи, как «Гости учителя» (1928), «Мартовское солнце» (1929), «Деревенские мальчишки» (1936), «Дети на озере в Латгалии» (1939). Критик Петр Пильский отмечал: «Наблюдательность, быстрое и вдумчивое умение схватить ускользающие черты лица, разгадать человека, определить его личность, выбрать краски, сделать прозрачное прозрачным, оживить мертвый материал, заставить говорить и одушевить неодушевленные предметы — эта трудная задача художника и портретиста давно была разрешена Богдановым-Бельским так, как это может сделать только большой мастер, как это бывает дано только опытному и проницательному психологу».

За границей произошли перемены в семейной жизни: художник расстался с гражданской женой Натальей Топоровой и познакомился с Антониной Эрхардт, прибалтийской немкой. Их венчание в Христорождественском соборе в Риге состоялось спустя 10 лет, после развода Эрхардт с первым мужем.

В конце Второй мировой пожилой живописец тяжело заболел. В 1945-м в Берлине перенес сложную операцию и скончался во время авиационной атаки: медперсонал не смог как следует ухаживать за пациентом. Мастера похоронили на Русском кладбище Берлин-Тегель. Картины Богданова-Бельского, а также альбомы с репродукциями, рассказывающие о России, разошлись по всей Европе — чтобы однажды быть оцененными и на родине.

Стоп-кадр

Пастор, мы тебя знаем

Николай Ирин

В истории искусства немало корифеев, оставивших заметный след в «параллельных вселенных»: одни героически проявили себя на войне, другие преуспели в политике, третьи талантливо писали прозу и мемуары, рисовали или даже философствовали, четвертые перебежали в режиссуру и там вполне преуспели. Крупных актеров, которые буквально по-детски влипли некогда в «артистизм», а потом десятки лет ничем другим заниматься не умели и не хотели, — считанные единицы. Ростислав Плятт как раз из последних, «клинический случай», демонстрирующий прямо-таки «патологическое» помешательство на профессии.

Р. Плятт. 1972

ЧЕЛОВЕК, всецело преданный любимому делу, не считает нужным прятать неизбежные недостатки и трудности этапов роста. Ему попросту не до этого. Стараются как лучше, получается по-разному — нормальная работа большого мастера. Он и дома-то оказывается случайно, мимоходом: по пути с записи радиопостановки на репетицию телеспектакля, с тещекого выступления или кинопроб на премьерный показ в любимом театре. А утром надо успеть на дубляж зарубежной картины, читку новой пьесы и, наконец, на съемки фильма, который обещает стать событием если и не в масштабах мирового синемаатографа, то уж в его собственной судьбе наверняка...

Ростислав Янович словно уплыл с шумного, суетного пляжа далеко за буйки и всю свою долгую жизнь принципиально отказывался возвращаться к пустопорожней праздности. Ничто, кроме взаимности двух-трех выдающихся и внимательных женщин, его не манило, не соблазняло. На первом, втором, третьем... десятом месте — дело, совершенствование в профессии, поиск выразительных мелочей, неустанная учеба до самых последних дней.

«Весна»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Подкидыш»

Порой кажется, что статус великого актера ему был изначально противопоказан: здесь запнулся, тут замялся, там потоптался на месте. Зато потом — поиск и нахождение все новых и новых пределов совершенства. Что-то осмыслил сам, где-то посоветовался с коллегами, вызвал на откровенность опытного режиссера либо беспощадно честного критика. И вот, когда все остальные «загорали», предавались воспоминаниям о былых успехах, боролись за престиж или денежные знаки, Плятт неожиданно выдавал нечто необычное, совсем уж выдающееся.

Одновременно усыплял наблюдателей чем-то, на первый взгляд, проходным, пробуя на самом деле

свежие ходы и решения. И взорам почтеннейшей публики представляли очередные творческие удачи.

В последние годы жизни, после перелома шейки бедра, он тяжело передвигался с палочкой, а требовалось залезть на конструкцию, которую венчало кресло судьбы Нюрнбергского трибунала. И он забирался, отказываясь от упрощения мизансцены: что поделаешь — работа. Главреж Театра имени Моссовета Павел Хомский придумал для него спектакль, где мэтр мог бы лицедействовать, не поднимаясь с кресла. «А как же я буду вставать на поклоны?!» — возразил Ростислав Янович и отказался от комфортной постановки.

Впервые он выступил на публике в пятилетнем возрасте. Начало получилось экстравагантным. Находясь с отцом в цирке, мальчик проникся нежными чувствами к Рыжему клоуну, а Белого «уже тихо ненавидел». Переживания вылились в громкий вопль, обращенный к Рыжему: «Послушайте, вас обманывают!» Публика зашлась от хохота, отец же поступок одобрил.

В школе, на счастье Ростислава, имелся драматический кружок, который вел поначалу актер Малого театра, а после — актриса МХТ-2. Паренек с буйной фантазией, способный легко додумывать поведенческие мотивы, раздвигать рамки внутренних миров, превратился в своего рода одержимого: «Я, ребенком будучи, лет с 12–13, несколько

Альманах «Совершенно серьезно». «История с пирожками»

СТОП-КАДР

потребовала бы». Впрочем, то было сказано в 1970-м. Мастеру предстояли три, возможно, самые серьезные его роли в кино: пастора Шлага в «Семнадцати мгновениях весны», Алексея Борисовича в «Послесловии», Николо Амати в «Визите к Минотавру».

Его критичность в отношении кинокарьеры была, пожалуй, чрезмерной. Зрители восторженно оценили дебют в фильме 1939 года «Подкидыш»:

холостяк-геолог, долговязый

и внутренне рых-

лый, неспособный

противостоят

взявшей его в обо-

рот не в меру само-

стоятельной девчон-

ке, сразу располагал

к себе. В решающий

момент, впрочем, он

дал отпор дородной

соседке, зубному вра-

чу, которая, кажется,

намеревалась устано-

вить полный контроль и над ребенком, и над самим холостяком. Роль Плятта не до конца «сделана», похожа на черновую заготовку, предварительный этюд, но потенциал артиста совершенно очевиден. Тут, кстати, обнаруживается одно важнейшее качество: при безграничной внутренней пластичности и умении фантазировать о своем персонаже сколь угодно смело, актер не может самостоятельно остановиться, сказать своей фантазии: «Стоп, горшочек, не вари!»

Плятт, человек с весьма подвижной психикой и очень чувствительными рецепторами, хорошо знал свою проблему и с регулярностью признавался, что ему жизненно необходима помощь со стороны как минимум бдительного, а лучше бы талантливого контролера: «Мне режиссер необходим. Я без режиссера вяну»; «Мне режиссер необходим как отражатель, потому что без него можно разыграть невесть куда... Я чрезвычайно активизируюсь от интересного режиссерского подсказывания».

Павел Хомский вспоминал, как, благоговей перед Пляттом, он поначалу соглашался со всеми его сценическими решениями, что приводило артиста в полное замешательство. Опытная актриса подсказала молодому постановщику: «Слава нервничает, потому что вы не делаете ему замечаний». Ростислав Янович нуждался в регулирующем, оформляющем его бурную натуру взгляде со стороны. Столь трезвое понимание своего артистического инструментария, художественного нутра достойно восхищения: человек знает, где он царь и бог, а где — ученик, и, будучи интеллектуально честным, всю жизнь соблюдает законы субординации.

преждевременно, когда уже неодолимо заболел театром, простаивал на улице возле театральных афиш, вызубривая имена, отчества и фамилии актеров». После школы пытался поступить в студию МХТ, но неожиданно для себя получил от ворот поворот. Впрочем, это всего лишь негативная фаза маятника судьбы. Позитивная воследовала незамедлительно: актриса 2-го МХТ Елизавета Телешева, сразу угадавшая в юном абитуриенте большое дарование, отправила его в студию актера и начинающего режиссера Юрия Завадского. Встреча с ним стала для Ростислава Яновича судьбоносной: сначала учеба, а потом несколько десятилетий совместной работы в Театре имени Моссовета.

Плятт, который был очень внимательным, а порой и весьма педантичным, всегда с гордостью подчеркивал: Завадский — прямой ученик Станиславского и Вахтангова. 1920-е — период невероятного подъема театрального искусства. «В те годы, начиная с 1924-го, очень много писалось о театре... И мне нравилось это борение страстей!» Он бережно собирал все газетные и журнальные рецензии на свои работы: к концу жизни, лукаво улыбаясь и потрясая толстыми тетрадами с вырезками, стал утверждать, что тут, дескать, вся его задокументированная судьба. На самом деле это лишь вспышки публичного признания или, что гораздо реже, непризнания. Подлинная жизнь — в повседневном тренинге, размышлениях о ремесле, приглядывании к работе товарищей по цеху и прислушивании к замечаниям вьедливых критиков.

«Надеюсь, что-то личное внесено в роль? Это просто необходимо!» — вспоминал он на склоне лет напутствие легендарного критика Иосифа Юзовского, которого отдельно почитал за то, что тот «жил Театром!».

Сам Плятт тоже жил только им. «Да простят меня все другие искусства, — варьировал он на разные лады свой символ веры, — но театр был и остается для меня единственным родным домом. Он дал мне все, о чем только можно мечтать: дал мне счастье, сцену и зрительный зал». И даже так: «Я актер театра, снимающийся в кинематографе. Потрясения, взлеты — все это у меня происходит только в сфере театра, увы. В кино не пришла еще роль, которая меня всего, без остатка

СТОП-КАДР

В целом холодное отношение к кинематографу объясняется, конечно же, тем, что на съемочной площадке ему не всегда удавалось получать внятные указания относительно рисунка роли, еще реже доводилось погружаться в детальные разборы поведения персонажей.

Сам он выделял работу с Михаилом Роммом на фильмах «Мечта» и «Убийство на улице Данте», хотя признавал, что «дистанция времени внесла в «Убийство...» академический холодок». А еще ему очень нравилась работа над образом профессора Данкевича в фильме «Иду на грозу» Сергея Микаэляна. И неудивительно — последний учился в режиссерской мастерской Алексея Попова и Марии Кнебель, вышедших из тех же потаенных глубин МХТ, что и наставник Плятта Завадский. Преемственность, позволяющую сохранить в неприкосновенности хрупкое знание о тончайших психологических категориях, Ростислав Янович ценил особо.

Расцвел он и на съемках у Марлена Хуциева, искавшего для «Послесловия» в пару к Андрею Мягкову пожилого интеллигента, который наперекор возрасту смог сохранить восторженное отношение к жизни. Пробы ряда выдающихся актеров «в возрасте» режиссера не удовлетворили: к герою возникла жалость, а это было противопоказано картине. Счастливым спасением явился Плятт. Когда его герой говорил молодому персонажу Мягкова: «Я заметил, что работа тебе не доставляет никакого удовольствия... давай разбираться», — активировалась неукротимая энергия исполнителя. Тот поразил редко встречающимся у киношников ответственным подходом к деталям и радостной вовлеченностью в съемочный процесс. Метод Хуциева включал в себя продолжительные, детальные разговоры о природе образа на кухне за чаем. Это, конечно же, импонировало Плятту.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Схоже — вдумчиво и подробно — снимала «Семнадцать мгновений» Татьяна Лиознова. Пастор Шлаг — на первый взгляд, вариация недотепы-интеллигента, намеченного еще в «Подкидыше», однако детальная разработка психических движений персонажа и, главное, безукоризненно точное распределение этих микроимпульсов на оси времени привели к созданию поистине великого образа. Когда Штирлиц провожает глазами уходящего через границу старика, а закадровый голос сообщает, что у разведчика «защемило сердце», ибо пастор совсем не умеет ходить на лыжах, умный зритель, как правило, не поддастся жалости, на которую диктор его провоцирует. Это хорошо придуманный и продуманный эпизод. Здесь просто-напросто следует понимать, насколько велика духовная сила священника: Шлаг уязвим, крайне неловок внешне, зато внутренне несокрушим. Любопытно, что еще в юности Ростислав поменял в паспорте отцовскую фамилию «Плятт», добавив туда второе «т». Психоаналитик обнаружил бы здесь мощную установку на формирование в себе твердого ядра.

Ростислав Янович признавал собственную зависимость от формальных деталей: «Для меня внешние приметы являлись возбуждителями». Букву удаивал, дабы укрепить характер. Мог добавить гротескный грим или специфический предмет одежды, чтобы состоялся парадок-

сальный сценический образ. Он называл это «заботой о теле роли» или «воплощением тела образа». Товарищи по работе вспоминают, что после удавшегося творческого свершения Плятт испытывал форменный кураж, а еще «был очень умен в своей речи», благодаря чему периодически выступал на судебных заседаниях — приходилось защищать коллег, проходивших по делам о «левых» концертах.

Волшебной красоты голос — отдельная сторона его жизни. Актер озвучивает персонажей в легендарных мультфильмах, а в «12 стульях» Гайдая — Автора. Особенно удачно выступает в радиопостановках: Робинзон Крузо в «Клубе знаменитых капитанов», доктор Ливси в «Острове сокровищ», Шерлок Холмс... В театре своеобразно шутили, говорили, что не представляют, как вообще можно жить без «пляттских штучек». На закате дней он вздыхал: «Стал заложником собственного образа, но продолжаю быть тем Пляттом, к которому все привыкли».

А разве это плохо? Мы действительно «привыкли» и не представляем без него отечественную культуру. Очень смешной в «Весне» и «Деловых людях», пожилой идеалист в «Послесловии», убаюкивающий сединами мудрец в «Визите к Минотавру», трогательный старик в легендарном спектакле «Дальше — тишина» — он везде великий актер, достойно представляющий великую эпоху.

Наука побеждать

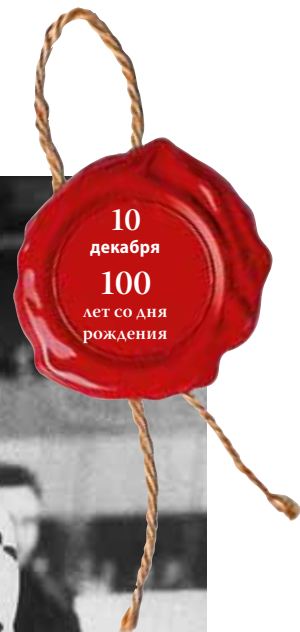

ФОТО: МЕТЕЛИЦА СЕРГЕЙ/ТАСС

Председатель детского хоккейного клуба «Золотая шайба» А. Тарасов. 1979

Легенда номер один

Дмитрий Ефанов

Главное дело его жизни — создание знаменитой «Красной машины», которая на протяжении многих лет не знала себе равных на международной арене. Великому тренеру Анатолию Тарасову было мало побед на Олимпийских играх и чемпионатах мира — хотелось сразиться с лучшими из лучших, канадскими профессионалами. Многие убеждены: если бы во время Суперсерии-1972 сборной руководил он, то советская дружина не просто бы удивила мир, а устроила непобедимым доселе соперникам форменный разгром.

А. Тарасов и В. Харламов (в центре) за разбором игры. 1969

ФОТО: ФОТОХРОНИКА ТАСС

А. Тарасов в «Артеке». 1979

ФОТО: ЗУФАРОВ ВАЛЕРИЙ ТАСС

БРОСИВ беглый взгляд на его биографию, легко прийти к выводу о том, что Тарасов был рожден для этой профессии. Но так видится спустя многие десятилетия, а в 1930-е Толя думал о других вещах. Он вырос без отца и рано привык к ответственности, став главным в семье. Забота о младшем брате, учеба на слесаря, изматывающая работа на авиационном заводе практически не оставляли свободного времени. И все же юноша нашел возможность играть в футбол и хоккей с мячом. А в августе 1937 года сделал свой главный выбор — поступил в Высшую школу тренеров Центрального

института физкультуры. Там начинающий специалист познакомился с Михаилом Товаровским, которого до последних дней жизни называл наставником и учителем.

«Педагогом Михаил Давидович был гениальным, — вспоминал мэтр. — Много ли вы знаете профессоров, которые в ответ на вопрос студента могли сказать: «Я не знаю, мне нужно подумать, приходите завтра». Товаровский не стеснялся так говорить. Он все время учился у других. Обычно расхаживал между рядами парт и неназойливо, но основательно вдалбливал в наши головы: это будет очень престижная профессия, о тренерах

высокой квалификации будет знать вся страна, тренеры будут получать ордена».

Благодаря таким ученикам, как Тарасов, предсказания знаменитого педагога обрели особый вес. Встав у истоков зарождения отечественного хоккея с шайбой, Анатолий Владимирович не порвал связи с учителем, время от времени рассказывал ему о тренировочном процессе, делился радостью от приятных открытий, которые с завидным постоянством происходили в новом для страны виде спорта. Когда молодого тренера решили откомандировать в Скандинавию, где гастролировал канадский любительский клуб, он первым делом набрал номер Товаровского, чтобы поделиться неожиданной новостью. В ответ услышал лаконичную просьбу — приехать к учителю домой. Эту ситуацию Тарасов подробно описал в книге «Хоккей. Родоначальники и новички».

«Так куда это вы, молодой человек, собрались?» — спросил он меня в своей обычной ироничной манере. Я объяснил, что есть возможность увидеть на хоккейной площадке и шведов, и финнов, а главное — канадцев, о которых ходят легенды. «Вам не следует куда-то ехать!» — огоршил меня мой наставник. «Почему?» — недоумевал я. «Вы не созрели смотреть зарубежный хоккей, — отвечал Товаровский. — Ведь если вы увидите иностранцев, сами уже ничего придумывать не будете — так человек устроен. А надо выдумывать, создавать свое. Когда твердо встанете на собственный путь — тогда и ездите, смотрите».

И он начал выдумывать. Бывалые хоккеисты поражались его фантазии. Это сейчас хоккейные клубы имеют в своем распоряжении суперсовременные тренажерные залы, огромные восстановительные комплексы, а в середине прошлого века о такой роскоши спортсмены могли только мечтать. В тех условиях колоссальный талант

тренера ЦСКА и сборной СССР проявился в самой полной мере.

«На одном из сборов национальной команды в Новогорске Тарасов вывел нас в лес и скомандовал, чтобы каждый подошел к своему дереву и сделал стойку на руках, — рассказывает двукратный олимпийский чемпион Борис Майоров. — Для меня гимнастические упражнения всегда были сущим мучением, но я делал старательно, как и другие ребята. Только подумал, что все кончилось, слышу новый «приказ»: «А теперь оторвали ноги от дерева и в воздухе написали свою фамилию». Можете себе такое представить? Раньше никогда не задумывался, сколь длинная у меня фамилия. Думаю, остальные игроки считали так же. Но в его действиях всегда было рациональное зерно. На первый взгляд, смешные росчерки ногами способствовали совершенствованию ловкости и координации».

Бывшие подопечные Анатолия Владимировича, все, как один, отмечают: занятия были чрезвычайно интенсивными и разнообразными, никогда не повторялись. Он жил хоккеем двадцать четыре часа в сутки: изобретал упражнения, тактические схемы, постоянно анализировал матчи своей команды и ее противников. Если и допускал просчеты, то в следующей игре они уже не повторялись.

«Тарасов был Педагог с большой буквы, — отмечал известный футболист и тренер Владимир Федотов. — Говорят, он, подобно актеру, репетировал свои монологи у зеркала. Впрочем, с его мимикой и жестикуляцией достаточно было одного взгляда, чтобы всем все стало ясно. Он постоянно что-то придумывал и изобретал, а результаты своих открытий и экспериментов не уставал заносить в тетрадь. Тарасову не хватало суток, и поэтому на заре он уже был на ногах».

Развитие хоккея в Советском Союзе шло семимильными шагами. Росло число клубов, множилось количество желающих приобщиться к модной и динамичной игре. Сборная СССР дебютировала на чемпионате мира в 1954 году и с ходу взяла золотые медали. Однако за следующие восемь лет смогла лишь однажды повторить этот успех. В такой ситуации спортивное руководство страны пришло, пожалуй, к единственно верному решению: объединить на тренерском мостике главной национальной команды двух лучших тренеров — Анатолия Тарасова и Аркадия Чернышева.

Многие специалисты весьма скептически отнеслись к идее образования подобного дуэта, не могли себе представить, как взрывной, импульсивный Тарасов сможет ужиться с рассудительным и сдержанным Чернышевым. Но они на удивление быстро нашли общий язык. Первый отвечал за физическую подготовку и занятия с игроками на льду, второй взял на себя вопросы, связанные с разработкой тактики, осуществлял непосредственное руководство по ходу матчей.

С. В. Третьяком. 1973

ФОТО: СЕРГЕЙ ЛИДОВ/РИА НОВОСТИ

«У тренера интерес к коллеге зависит в первую очередь от того, есть ли у него собственные взгляды на хоккей, — рассуждал в своей книге Анатолий Владимирович. — Это главное, но, пожалуй, не меньше интересует облик, этика, мораль человека. И всякий раз, когда я размышляю на эти темы, первый, кто в таких случаях приходит на ум, — Аркадий Чернышев. Он никогда не опаздывает, всегда держит слово. Восхищают его обязательность и пунктуальность, скромность».

Слаженная работа пары выдающихся наставников принесла сборной СССР девять побед на чемпионатах мира и трех Олимпиадах подряд. Тренеры покинули команду после успеха на Играх-72 в Саппоро, незадолго до Суперсерии с канадскими профессионалами. История до сих пор не дает четкого ответа на вопрос, почему победоносный тандем не остался в сборной. Версий выдвигается множество.

«Люди, подобные Анатолию Тарасову, рождаются раз в сто лет, и мне до сих пор больно и обидно осознавать, как с ним в свое время поступили, — не скрывает эмоций его прославленная дочь, заслуженный тренер страны по фигурному катанию. — В 56 лет отцу не дали работать в стране, где он придумал и поднял хоккей на высочайший уровень. Во многом благодаря Тарасову хоккей с шайбой стал национальным видом спорта, затмив в том числе и футбол. Моя первая Олимпиада, 1972 года, совпала с отцовской последней. Уже тогда было понятно, что папу

ФОТО: ВИКТОР БУДАНТАСС

Зимняя Олимпиада-1972 в Саппоро. Хоккейный матч СССР– Швеция

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Чемпионат мира по хоккею с шайбой в Швейцарии. 1971

скоро снимут, — он не умел и не хотел идти на компромисс с начальством, которое вмешивалось в его работу. Отец очень переживал. Это была его идея, мечта... Люди понимали гений Тарасова. Когда папу отстранили от хоккея и он приходил во Дворец спорта, хромая, казалось, никому не нужный, трибуны вставали, устраивая долгую овацию. Отца не надо было представлять, зрители и без того понимали, кто перед ними».

Игроки его поддерживали как могли. К примеру, Анатолий Фирсов после отставки многолетнего наставника ехать в Канаду отказался. Александр Гусев, отдавая дань уважения человеческим качествам Всеволода Боброва, уверен: если бы в матчах Суперсерии на капитанском мостике стоял Анатолий Та-

расов, мы «этих канадцев на части разорвали бы».

О взаимоотношениях тренера с хоккеистами далекие от спорта люди могли узнать из фильма «Легенда №17», где образ харизматичного наставника довольно точно воплотил Олег Меньшиков. «Судьба человека затронула многих: сила, воля, огромный талант, — поделилась впечатлением от мгновенно ставшей популярной киноленты Татьяна Тарасова. — Многие говорят, что Меньшиков внешне не похож на отца, но в этом фильме он смог передать его энергетику, его жесты, его мысли. Олег здорово ухватил папин характер. Режиссер, съемочная группа, все сработали великолепно. Я звонила Меньшикову после премьеры и поблагодарила. Это его лучшая роль. В конце

фильма боялась смотреть на экран, а племянник Леша и вовсе рыдал... Очень благодарна создателям картины за то, что спустя сорок лет после ухода Тарасова из хоккея они напомнили стране, какая это была глыба».

Действительно, о наследии великого специалиста в 1990-е стали забывать. Зато за океаном Анатолий Владимирович был востребован. Его лекции собирали в Канаде полные залы и сопровождалась бурными овациями. Имя Тарасова ввели в Зал хоккейной славы в Торонто. А «Британская энциклопедия» назвала его «отцом русского хоккея». Ему предлагали остаться, но он не мыслил себя за пределами родной страны и приносил пользу, даже находясь вдали от крупнейших международных арен. Знаменитая «Золотая шайба» — его детище.

После фильма «Легенда №17» интерес к персоне самого известного в истории СССР тренера проявился с новой силой. Пусть запоздало, но именем уникального педагога, профессора и кандидата наук назвали кафедру теории и методики хоккея в Российском государственном университете физической культуры и спорта. Наконец-то и у нас вышла давно изданная в Северной Америке, призванная стать настольной для любого тренера книга «Родоначалники и новички». К столетнему юбилею Анатолия Владимировича по инициативе трехкратного олимпийского чемпиона по борьбе Александра Карелина установят монумент возле станции метро «ЦСКА». Таких почестей первый человек в нашем хоккее был достоин еще при жизни, но тут к месту будет расхожая фраза: лучше поздно, чем никогда.

В «Легенде №17» герой Олега Меньшикова напутствует подопечного: «Твой номер семнадцатый. И его весь мир знает». Примерно такие слова напрашиваются и по отношению к самому Анатолию Владимировичу Тарасову. Только его номер — первый.

Право и правда

ФОТО: PHOTOPRESS

Заседание Генассамблеи ООН. Принятие Декларации прав человека. Париж, 1948

ФОТО: WWW.REFERENCE.COM

Хотели как лучше?

Евгений Александров

70 лет назад произошло знаменательное событие, оказавшее чрезвычайно серьезное влияние на ход истории. После Второй мировой войны борьба за установление «нового порядка» на планете отнюдь не прекратилась, поменялись лишь претенденты на глобальное лидерство. Страны Запада во главе с США стремительно наращивали военные мускулы, а вместе с тем подняли на щит якобы обязательный для всех наций и государств свод «ценностей». В декабре 1948 года на сессии Генассамблеи ООН была принята «Всеобщая декларация прав человека».

ОТНОШЕНИЕ к данному тексту — как было тогда, так остается и сейчас — во всем мире двоякое: не то важный для всех жителей Земли документ, не то пустая, велеречивая, далекая от правды жизни декларация; то ли набор необходимых человечеству правил и принципов, то ли слегка прикрытое громкими фразами средство агрессивной пропаганды, чтобы западным державам было проще вмешиваться во внутренние дела других государств.

Первым председателем ооновского комитета, готовившего пакт, была Элеонора Рузвельт, вдова американского президента. Предложенный ею проект не удовлетворил наших представителей, и на Генассамблее прозвучало грозное выступление замминистра иностранных дел СССР Андрея Вышинского.

Опытный политик и правовед до мозга костей, он был фигурой сложной, неоднозначной (кто-то скажет «зловещей», а кто-то с этим определением решительно не согласится). Формулировать тем не менее умел четко и обстоятельно. Его речь и сегодня воспринимается

как актуальная, нисколько не устаревшая публицистика. Ооновских «доброхотов» Андрей Януарьевич критиковал за декларативность: ворох красивых слов, маниловские мечтания, благие намерения.

О том, кто будет контролировать выполнение пакта и как рассказанную в нем сказку сделать былью, в итоговом тексте не было ни слова. А ведь Советский Союз предлагал выработать механизмы реализации провозглашенных прав. Сталин полагал: смысл имеют лишь те из них, которые гарантированы государством. В противном случае они остаются не более чем красивыми пожеланиями, которыми политики морочат головы легковверной публике.

Взять свободу слова. Можно ли говорить о ней всерьез, если газеты и радиостанции принадлежат олигархам, сверхбогатым, которые по определению не заинтересованы в том, чтобы кем-то ставились под сомнение их взгляды, ценности, приоритеты. (Особенно в таких важных для глобальных ростовщиков делах, как избирательные кампании президентов, развязывание по всему земному шару войн и революций.)

Москва рекомендовала включить следующий пункт: «С целью обеспечения права на свободное выражение мнений значительных слоев населения, а также для их организации, государство оказывает им содействие и помощь материальными средствами (помещением, печатными машинами, бумагой и так далее), необходимыми для издания демократических органов печати».

Логично? Вполне. Но авторы документа воротили нос от подобных предложений.

Обращая всеобщее внимание на статью о праве «на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность», Вышинский отметил ее «отвлеченный характер», заявил, что в ней не предусмотрены «элементарно необходимые меры», и особо подчеркнул: делегация Советского Союза пыталась внести поправки, в которых сказано, что «государству необходимо обеспечить каждому человеку защиту от преступных на него посягательств, обеспечить условия, предотвращающие угрозу смерти от голода и от истощения... К сожалению, эта поправка, несмотря на то, что она

Э. Рузвельт с текстом Декларации прав человека. 1948

А. Вышинский на трибуне ООН

ФОТО: WWW.UN.ORG

ПРАВО И ПРАВДА

так серьезно и значительно улучшала дело, была отклонена».

Бывший прокурор СССР выступил как реалист-прагматик и как коммунист. Он считал, что без решения вопросов о собственности и власти вести речь о подлинном равенстве людей перед законом не приходится, что хозяева больших денег действуют исключительно в своих интересах, извлекают прибыль отовсюду, в том числе и из «прав человека». Ни к чему не обязывающие декларации не изменят жизнь простого народа, — примерно так рассуждали Сталин и его полпреды в ООН.

А еще советскую сторону не устраивала ничем не ограниченная «свобода убеждений», какими бы антигуманными те ни были. Вышинский резонно вопрошал: а как же фашизм? Вот вы недооценивали опасность гитлеровской идеологии — и поплатились. Любопытно, что в XXI веке власти западных стран нередко пытаются ограничить или вовсе запретить деятельность экстремистских организаций, препятствовать распространению их идей. В 1948 году эта проблема волновала, судя по всему, только советских политиков.

И все же СССР не стал голосовать против «пустой» декларации. В то время, по-видимому, она представля-

лась хоть и бесполезной, однако вполне безобидной. Уже шла холодная война. Запад все агрессивнее навязывал миру собственное видение «прав человека», но в Кремле едва ли могли предвидеть, что в будущем геополитический противник станет размахивать этими самыми «правами» направо и налево, как увесистой дубиной.

Наша дипломатия выстраивала собственную систему международного сотрудничества — и порой безуспешно. Привлечь под свои знамена удалось не только ортодоксальных коммунистов, но и властителей дум из капиталистического мира — тех, кто по отношению к власти денежных мешков, а главное, вспыхивающим из-за непомерной алчности хозяев жизни кровопролитным войнам был настроен резко критически. К примеру, знаменитое в ту пору Стокгольмское воззвание «О запрете применения ядерного оружия», опубликованное в «Правде» в марте 1950 года, подписали Томас Манн, Пабло Пикассо, Марк Шагал, Луи Арагон и многие другие мировые знаменитости. В США за поддержку этого возвания подвергали унижительным слежкам и допросам. Тогда же в этой «самой свободной в мире» стране развернулась поощряемая властями охота на ведьм. Те, кого маккартисты определяли в категорию «антиамерикански настроенных» граждан, подвергались бешеной травле, политическим преследованиям, лишались работы и каких бы то ни было карьерных перспектив. Спрашивается, а как же свобода убеждений? А никак. На подобные вещи американский истеблишмент обращает внимание лишь тогда, когда ему это выгодно.

Представители двух глобальных политических систем ожесточенно спорили на тему прав человека,

ПЛАКАТ Б. ЕДИМОВА «КОНСТИТУЦИЯ СССР», 1977

настоящих и мнимых, несколько десятилетий. Мы им — про их интервенции и нашу борьбу за мир во всем мире, они нам — про свободу печати. Мы — о колониальной системе, расовой сегрегации, безработице (то бишь нарушении права на труд), всевластии олигархии, они — об отсутствии у нас политической оппозиции и «свободы передвижения».

В 1975 году СССР стал инициатором подписания заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — Хельсинкских соглашений. В проект документа по взаимному согласию включили так называемую «третью корзину». В ней имелся особый «правозащитный» пункт: «Уважение к правам человека и к его фундаментальным свободам: свободе обмена мыслями, свободе совести и религии, свободе передвижения». Впоследствии за эту «корзину» мертвой хваткой вцепились наши доморощенные диссиденты. С тех пор они при всяком удобном случае доставали из «лукошка» то или иное требование и вплоть до развала Советского Союза боролись с государством «за права и свободы». Может быть, и не стоит относиться к этим людям как к внедренной в страну пятой колонии, однако и патриотичной их деятельность при всем желании не назовешь.

«Буржуазным» ценностям в СССР пытались противопоставить иные приоритеты. «Человек всегда имеет право на учебу, отдых и на труд», — провозглашалось в знаменитой тогда песне Исаака Дунаевского и Василия Лебедева-Кумача. А еще в Советском Союзе в противовес западному индивидуализму действовал коллективистский принцип, выраженный пословицей «Семеро одного не ждут» — общее, государственное считалось важнее личного, сугубо частного. И эту идею впервые продекларировали не «комиссары в пыльных шлемах» — еще классики европейского Просвещения видели в ней высшую справедливость. Ведь если ты наносишь ущерб государству, то страдают тысячи, а быть может, и миллионы людей.

А вот со свободой совести у нас тогда вышло, право же, нехорошо. На бумаге было гладко, но в действительности ходить в церковь, мечеть или синагогу в СССР было так же невыгодно, как в США исповедовать социалистические идеалы.

Кто же был ближе к современной «толерантности» в конце 1940-х и в 1950-е — Соединенные Штаты на пару с Британией или Советский Союз? К колониализму и сословным привилегиям в Туманном Альбионе, параноидальному маккартизму в Америке «органично» примешивались расовые предрассудки. Респектабельные профессора, ничуть не стесняясь, вслух рассуждали об избранности белой расы, о неспособности «цветных» к культурному развитию. В то же время в СССР во всех детских театрах показывали «Хижину дяди Тома», а персонаж всем известного кинофильма «Цирк» с экранов провозглашал: «В нашей стране лю-

бят всех ребятишек. Рожайте себе на здоровье сколько хотите. Черненьких, беленьких, красненьких, хоть голубых, хоть розовеньких в полосочку, хоть серых в яблочко!»

Декларация прав человека не разрешила острых социальных и политических противоречий, которые раздирали мир после Второй мировой. Вскоре после того декабрьского подписания холодная война обернулась ожесточенным противостоянием в Корее.

Человечество готовилось к Третьей мировой, и снять это напряжение удалось не с помощью красивых манифестов, а благодаря появлению у Советского Союза ядерного оружия и межконтинентальных ракет.

Неизменным девизом американских президентов по отношению к диктаторам разной степени кровожадности служила тогда, как служит и сейчас, хрестоматийная фраза: «Это сукин сын, но это наш сукин сын». Политика двойных стандартов, в том числе (а может, и в первую очередь) в области прав человека, уже давно никого не удивляет.

Что же касается некогда хваленой свободы слова, то ныне даже Дональд Трамп характеризует западные СМИ презрительной идиомой *fake news*, излишне уточняя, как к этому информационному оружию массового поражения относятся жители стран, против которых оно было направлено.

Стал ли мир за 70 лет добрее и безопаснее? И да, и нет. Во всяком случае за эти годы мы окончательно убедились: правовой панацеи от глобальных социальных болезней не существует. Необходим разумный баланс между разными политическими системами, идеологиями и центрами силы. И это — главная задача XXI века.

Митинг «Услышьте голос Донбасса» в Донецке, приуроченный к Международному дню защиты прав человека. 2015

ФОТО: ИГОРЬ МАСЛОВ/РИА НОВОСТИ

Да, грибоеды мы

Максим Сырников

Когда возникает спор о том, что следует считать настоящей русской кухней, самый надежный способ эту дискуссию прекратить — перечислить блюда, аналогов которым нет в традиционных меню иных стран.

Грибная солянка

- № 2 стакана соленых грибов
- № 500 г свежей или квашеной капусты
- № 2 луковицы
- № 4 столовые ложки постного масла
- № 1 столовая ложка пшеничной муки

Грибы нужно нарезать соломкой и обжарить с луком. Затем подсыпать муки и еще немного обжарить, помешивая лопаткой. Капусту припустить до мягкости и отжать.

Солянку выложить на сковородку без ручки: сперва — слой капусты, после — грибов, а сверху — снова капусты. Подлить немного рассола или воды. Запекать в духовке при 180° примерно полчаса.

О КРОШКА, рассольник, пирог с капустой, уха (не всякий рыбный суп, а именно похлебка, сваренная по старинному русскому рецепту) и, конечно, солянка — вот яства, составляющие основу нашей национальной кулинарии. Один из самых «загадочных» ее компонентов в глазах иностранцев — грибы, и особенно соленые. Во всем остальном мире немного сыщется кулинаров, осмеливающихся приготовить их в каком бы то ни было виде. Зато практически любая хо-

зяйка «в русских селеньях» знает толк в этом деле.

Рождественский пост длится весь декабрь, и для многих верующих нет ничего лучше в данный период, чем кушанья из грибов.

Традиционная грибная солянка — блюдо постное и тем не менее очень вкусное и сытное. Для приготовления нужно взять пару стаканов соленых грибов. Подойдут грузди, рыжики, волнушки, горькушки. Если под рукой найдутся соленые боровики, тоже весьма неплохо.

Н. БОЛДАНОВ-БЕЛЬСКИЙ. «БЫВШИЙ ЗАЩИТНИК РОДИНЫ», 1924

Своя

ДЕКАБРЬ 2018

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки